

Государственный исторический
заповедник
«Горки Ленинские»

МУЗЕЙНЫЙ СБОРНИК

Выпуск 10

ББК 79.1
М 89

*Составитель и редактор Н.Андрянова
Оригинал-макет А.Зайцева
Художник С.Чистов*

Государственный исторический заповедник «Горки Ленинские», начиная с 1996 года, публикует Музейные сборники, которые свидетельствуют о постоянно проводимой серьезной научной работе. Настоящий сборник является десятым, юбилейным выпуском. В нем отражены последние научные изыскания сотрудников заповедника, представленные на круглом столе «Архивные исследования и находки», проходившем в январе 2003 года в ГИЗ «Горки Ленинские».

ISBN 5-901256-08-5

© Издатель:

Государственный исторический заповедник «Горки Ленинские»
Лицензия ЛР № 00472 от 25.11.99 г.

НОВОЕ ИЗ ИСТОРИИ ПОСЛЕДНИХ ВЛАДЕЛЬЦЕВ УСАДЬБЫ ГОРКИ

В последние годы одним из основных направлений деятельности научных сотрудников Государственного исторического заповедника «Горки Ленинские» является разработка темы: «Усадьба и её владельцы». Это важное исследовательское направление, которое характеризует социологический срез общественного устройства России, в данном случае начала XX века. Характеристика личности владельцев усадьбы, их общественного положения, а затем их культурных и духовных интересов значительно дополняет представление об усадьбе, в которой проходила значительная часть их жизни. Обращение именно к жизни владельцев усадьбы и их семей является эффективным и плодотворным исследованием, помогающим понять их образ жизни и мировоззрение, систему ценностей и личных пристрастий, о чём писал известный русский учёный Д.С.Лихачёв: «Каждый человек - носитель прошлого и носитель национально-го характера. Человек - часть общества и часть его истории»¹. Это даёт возможность фиксировать внимание на человеке как таковом, а не классе, сословию, социальной группе. Знакомство с жизнью дворянской усадьбы и их владельцев интересно и важно ещё и потому, что усадебный мир России - важнейшая часть нашей истории. Как писал много сделавший для изучения русской усадьбы Ю.Н.Шамурин, «сколько бы ни изучать старых подмосковных усадеб, никогда нельзя почувствовать усталости и пресыщенности. В них нет однообразия, нет повторений»². Одной из таких усадеб является усадьба Горки.

Горки расположены в красивой местности в юго-восточном Подмосковье, на высоком берегу р. Туровки – притоке р. Пахры. «Дом... в лесу на горе фасадом на заход солнца. Вид замечательный. Возле дома сад, за садом река Пахра, за рекою луга, за лугами селения... Парк шикарный, тенистый. Места есть такие, что солнечного света никогда нет и дождевая гуша через чащи деревьев не пробьётся... Попадаются дубы обхвата в два...»³ Эта усадьба не является особым памятником архитектуры, но она дорога воспоминаниями, которые с ней связаны, реликвиями рубежа XVIII – начала XX вв., которые в

ней сохранились. Усадьба наполнена очарованием прошлого. Её история индивидуальна.

Горки около 300 лет назад были старинной вотчиной бояр Спасителейых. Среди других её владельцев встречаются имена известных дворянских родов, таких как Трубецкие, Бекетовы, Наумовы, Дурасовы. В XIX в. значительный след в истории усадьбы оставил генерал-майор А.А.Писарев, попечитель Императорского московского университета и его учебного округа. После отмены крепостного права в 1861 г. наиболее яркими и значительными в истории усадьбы были предреволюционные годы (1909 – 1917 гг.), когда Горки принадлежали З.Г.Морозовой-Рейнбот и её мужу А.А.Рейнботу, московскому градоначальнику. С именем Зинаиды Григорьевны Морозовой-Рейнбот связана капитальная перестройка усадьбы и превращение её в образцовое сельскохозяйственное имение. И именно в это время в архитектурный облик усадьбы внесли свои изменения известные московские архитекторы Ф.О.Шехтель и Ф.Н.Кольбе, которые принимали участие в перестройке Горок в духе неоклассицизма. Архитекторы обратились к стилизации классических мотивов, используя новые конструктивные приёмы, выработанные модерном. Сложный рельеф местности также обусловил своеобразный характер планировки ансамбля усадьбы и парка. Коренные изменения произошли не только во внешнем её облике, но и во внутреннем, начиная с лестниц и кончая обоями, коврами, картинами, мебелью, люстрами и посудой. По-новому стали располагаться окна и двери, «создавая удивительное единство и взаимопроникновение внешнего природно-паркового и внутреннего пространства комнат»⁴. Библиотека пополнилась новыми книгами, появился новый круг и иной стиль общения. Усадьба Горки достигла своего наивысшего расцвета, и поэтому особенно интересны судьбы её владельцев.

В марте 1909 г. столичные газеты пестрели заголовками: «Дело генерала Рейнбота», «Как возникло дело Рейнбота», «Именем генерал-губернатора» и другие. Кто же такой Рейнбот и какова причина возникновения его «дела».

Анатолий Анатольевич Рейнбот, по словам Ю.А.Бахрушина, «был лицом в известной степени примечательным в истории Москвы. Откуда выплыла эта фигура, кто ей протезировал – никто толком не знал»⁵.

А.А.Рейнбот, генерал царской армии, московский градоначальник, был личностью неординарной и энергичной с ост-

рым умом. Он родился 4 февраля 1868 г. в семье потомственного дворянина Петербургской губернии, кадрового военного, капитана в отставке – Анатолия Анатольевича Рейнбота и дочери инженера-технолога Ольги Григорьевны Неверовой. Этот род давал военных в нескольких поколениях. Рейнбот «окончил полный курс наук в Александровском кадетском корпусе, Михайловском артиллерийском училище по 1-му разряду и в двух классах Николаевской академии Генерального Штаба по 1-му разряду. В службу вступил из воспитанников Александровского Кадетского Корпуса в Михайловское артиллерийского училище юнкером рядового звания 1 сентября 1885 года. Произведён в унтер-офицерское звание 21-го апреля 1886 г.»⁶. За десять лет, с 1886 по 1906 г. А.А.Рейнбот прошёл путь от младшего офицера до генерал-майора Свиты Его Величества. «Он очень понравился государю императору. Государь император взял его в свою свиту; затем государь император дал ему разрешение, что когда он приезжает в Петербург, то он может прямо к нему являться, не испрашивая разрешения его величества»⁷. Свою службу после окончания училища А.А.Рейнбот начал в 37-й артиллерийской бригаде в звании подпоручика, затем курс двух классов Николаевской Академии Генерального Штаба (1893 – 1895 гг.), по окончании которого Анатолий Анатольевич Высочайшим приказом (от 6 декабря 1895 г.) произведён в штабс-капитаны. В декабре 1899 г. командирован вновь в Николаевскую Академию Генерального Штаба для прохождения дополнительного курса. В мае 1901 г. Высочайшим приказом назначен обер-офицером для особых поручений при Канцелярии Финляндского генерал-губернатора, с зачислением по гвардейской пешей артиллерии. В это же время за пятилетнее преподавание тактики в Санкт-Петербургском юнкерском училище он награждается орденом св. Анны 3-й степени. А.А.Рейнбот стремительно продвигается по служебной лестнице: в январе 1903 г. он уже ландс-секретарь Нюландской⁸ губернии и награждён бриллиантовым перстнем в 3000 марок. В августе 1903 г. произведён в подполковники, а в декабре 1904 г. – в полковники. В течение 1904 г. «Временно исправлял должность Нюландского губернатора»⁹. Казённые скупые строки послужного списка А.А.Рейнбота свидетельствует не только о его блестящей карьере, но и о том, что он не был обойдён вниманием и наградами царствующей фамилии: «Всемиловнейше пожалован орденом св. Анны 2-й степени за выдающиеся отличия 17/30 апреля

1905 г.»¹⁰. В августе 1905 г. последовало новое назначение на должность штаб-офицера для особых поручений V-го класса при Финляндском генерал-губернаторе.

После назначения финляндским генерал-губернатором Н.Н.Гергарда¹¹ А.А.Рейнбот по рекомендации Председателя Совета министров С.Ю.Витте¹² именным Высочайшим указом, данным Правительствующему Сенату от 6-го ноября 1905-го был назначен на должность Казанского губернатора, «где Рейнбот в то время, ... вёл отлично дело, водворил спокойствие, не прибегая ни к каким исключительным положениям, всюду показываясь сам и везде ездивши по губернии»¹³. Присяга государю и самодержавному отечеству никогда не являлись для А.А.Рейнбота пустым звуком, и эти его верноподданнические качества двигали его по служебной лестнице. 7 января 1906 г. последовал очередной Высочайший приказ о произведении за отличие по службе в генерал-майоры с назначением московским градоначальником.

Вступление А.А.Рейнбота в должность градоначальника города Москвы совпало со сложными политическими процессами, происходившими в России. Охрана тишины и порядка в Москве, охрана собственности и свободы возлагалась на московскую полицию, имевшую сложную организацию. До 1905 г. во главе московской полиции стоял обер-полицмейстер¹⁴, огромная канцелярия которого находилась в Гнездииковском переулке. Полиция и её органы имели обширный круг дел и полномочий, направленных на то, чтобы держать в повиновении население. Для усиления самостоятельности московских властей правительство выделило с 1-го января 1905 г. Москву в специальное градоначальство¹⁵ с наделением градоначальника широкими административно-полицейскими правами. Должность московского обер-полицмейстера была упразднена. Для надзора за городской Думой и городской Управой при градоначальнике создавалось Особое по городским делам присутствие, где по должности он являлся председателем, куда входили и чиновники из градоначальства, и представители Думы. Градоначальник отвечал за охрану общественной безопасности и порядка. Под его контроль переходил надзор за правильностью и законностью действий городского общественного управления. В ведении градоначальника состояли инспекторы для надзора за типографиями, книжной торговлей, арестантскими помещениями при полицейских домах, адресный стол. Он возглавлял также и Москов-

ское столичное по фабричным и горнозаводским делам присутствие - высший орган по делам московской фабричной инспекции. Первым московским градоначальником был назначен генерал-майор Евгений Николаевич Волков¹⁶. Градоначальство, разместившееся на Тверском бульваре, в доме № 22 (ныне на его месте стоит новое здание МХАТа), имело канцелярию, состоявшую из паспортного стола, адресного стола, цензурного отдела, охранного отделения и других функциональных подразделений.

К тому моменту, когда А.А.Рейнбот был назначен градоначальником Москвы, революция миновала свою высшую точку. Декабрьское поражение создало перелом в настроении народа. Газета «Московский листок» № 13 писала: «Вновь назначенный московский градоначальник, бывший казанский губернатор, генерал-майор Анатолий Анатольевич Рейнбот приезжает в Москву сегодня, 14 января в 6 часов 10 минут утра, по Московско-Казанской железной дороге. Новый градоначальник, как говорят, в тот же день вступит в исправление своей должности»¹⁷. В последующих номерах «Московского листка» репортёр газеты подробнейшим образом сообщал читателям о всех передвижениях и действиях нового градоначальника. Газета сохранила все мельчайшие подробности о первом дне вновь назначенного московского градоначальника: «... с вокзала А.А.Рейнбот поехал в часовню Иверской Божьей Матери, а оттуда в дом градоначальника...»¹⁸. Затем в 11 часов он вышел в приёмную и обратился к собравшимся с речью: «Я считаю, господа, себя обязанным находиться на службе в течение 24-х часов в сутки... Я Москву недостаточно хорошо знаю, вы же знаете её лучше меня и поэтому прошу первое время не оставлять меня своими указаниями и советами; не ошибается тот, кто ничего не делает, возможны и в моей деятельности ошибки. Доверием Государя Императора я поставлен на пост московского градоначальника и приложу все свои силы и знания, чтобы оправдать это доверие. Москва - сердце России и правильное биение этого сердца имеет значение для всей страны и это ещё больше увеличивает ответственность градоначальства и полиции перед правительством и обществом»¹⁹. В первые дни своей деятельности А.А.Рейнбот часто и много выступал на встречах с высшими чинами городского и губернского управления. Посетил с официальными визитами руководителей города и губернии: московского генерал-губернатора генерал-адъютанта

Ф.В.Дубасова, командующего войсками московского военного округа генерала от инфантерии Н.Н.Малахова, московского губернатора флигель-адъютанта полковника В.Ф.Джунковского, московского губернского предводителя дворянства князя П.Н.Трубецкого и других. В Николаевском дворце был принят Её Императорским Высочеством Великой Княгиней Елизаветой Фёдоровной. Объезжал полицейские участки и пожарные части. Определяя цели и задачи градоначальства в целом, А.А.Рейнбот говорил: «Жизнь так разнообразна, конкретные случаи так различны, что никакие законоположения не могут охватить всех проявлений жизни, поэтому полиция, которой так близко приходится сталкиваться с конкретными явлениями жизни, должна обладать известной инициативой: нельзя действовать только по указке - отсутствие инициативы ведёт к бездействию. При этом все должны ставить себе непрременной заботой - благо и спокойствие московского обывателя»²⁰. Началась повседневная работа. Ежедневно, кроме неприсутственных дней, московский градоначальник принимал лиц, имевших необходимость в его содействии. Посетителей он принимал от 13 до 14 часов. Прощения на его имя можно было опускать в особый ящик, имеющийся у подъезда дома градоначальника.

«Новый градоначальник Рейнбот, - писал Московский губернатор В.Ф.Джунковский, - прибыл в Москву 15 января и тотчас вступил в должность, произведя очень хорошее впечатление на подчинённых своей умной, содержательной речью, с которой он обратился к ним. На другой же день своего приезда Рейнбот успел уже объехать много полицейских участков и пожарных команд. Видно было, что новый градоначальник полон сил и энергии и внесёт свежую струю в полицейское дело столицы после патриархального бездействия барона Медема»²¹.

А.А.Рейнбот каждый день посещал полицейские участки не только в дневное время, но и в ночное. Во время своих визитов беседовал со служащими, интересовался условиями службы, внимательно осматривал помещения, делая при этом разного рода указания. Положение в Москве, пережившей декабрьское вооружённое восстание 1905 г., было тяжёлым, не лучшим образом выглядела и столичная полиция. Вот какую оценку А.А.Рейнбот дал состоянию столичной полиции в рапорте на имя директора Департамента полиции: «Состав городских был совершенно неудовлетворительным, городские на постах часто находились в штатском платье с пистонным ружьём в

руках, к некоторому не было никаких огнестрельных припасов; полиция была не только не обучена, но и почти безоружна. на 4000 городских имелось 1332 револьвера старой системы Смита и Вессона, большинство коих в неисправном виде, и ни к чему непригодные железные шашки по 2 руб. 25 коп. штука»²². За время пребывания А.А.Рейнбота на посту градоначальника берданки были заменены трёхлинейными ружьями, по его приказу во всех участках были заведены самовары, чайные приборы, а начальнику резерва выдавались наличные деньги на чай и сахар городовым. Для части пожарной команды была приобретена зимняя одежда. Также заведены велосипеды для оперативных действий городовых. Стали выдаваться наградные ночным сторожам, и был проведён целый ряд других преобразований и улучшений. Градоначальство выполняло не только полицейские и карательные функции, но и непосредственно занималось вопросами благоустройства и санитарного состояния города. Газетная хроника тех лет даёт полную картину событий: «6 августа 1906 г. за Семёновской заставой, в Измайловском зверинце прошла закладка здания для престарелых артистов в память Императора Александра III»²³.

В течение 1906 г. в Москве устраивались ежегодные выставки птицеводства, виноделия, садоводства и огородничества, выставки собак и другие. В эти же годы в Москве устанавливались и открывались новые памятники. Так, 27 мая состоялась закладка памятника Н.В.Гоголю на Пречистенском бульваре: «Торжество было очень скромное, как бы семейное, приглашены были кроме чинов Комитета по сооружению памятника очень ограниченное число лиц ... градоначальник Рейнбот, попечитель учебного округа Жданов, ректор Императорского Московского университета Мануйлов, Московский губернатор Джунковский, автор памятника художник – скульптор М.А.Андреев, городской голова Гучков и др. После закладки все отправились в ресторан «Прага» на завтрак. Самое меню было составлено из любимых блюд гоголевских персонажей. За завтраком было очень оживлённо, много было остроумных речей, очень хорошую речь произнёс Рейнбот по адресу городского управления»²⁴. Среди попечительских мер, принятых Московским Градоначальством, было создание и поддержка «Общества борьбы с улицей» с целью защиты брошенных детей, которое позднее было переведено в г.Воскресенск Звенигородского уезда и финансировалось из средств жены А.А.Рейнбота

З.Г.Морозовой-Рейнбот. В адрес Градоначальства и лично на имя А.А.Рейнбота поступало много пожертвований, что усиливало популярность личности градоначальника. Традиционными благотворителями являлись московские клубы: Купеческий, Литературно-художественный, Охотничий, Спортивный и Немецкий. Эти средства распределялись между Благотворительным Обществом при Градоначальстве, Центральным приёмным покоем, а также на раздачу пособий. «5 июля состоялась закладка Сергиево-Елизаветинского трудового убежища для увечных воинов русско-японской войны, устроенное и обеспеченное средствами, завещанными великим князем Сергеем Александровичем. На молебствии и закладке присутствовали Ёе Императорское Высочество Великая княгиня Елизавета Фёдоровна, генерал-губернатор С.К.Гершельман, А.А.Рейнбот, почетный опекун А.А.Пушкин (сын поэта), В.Ф.Джунковский и многие другие»²⁵. В 1906 г. А.А.Рейнбот был награждён медалью Главного управления Российского Общества Красного креста (свидетельство № 23950) в память об участии в деятельности Общества во время русско-японской войны 1904-1905 гг. А.А.Рейнбот помогал не только организациям, но и частным лицам. Он помог начальнику царицынской тюрьмы Саратовской губернии господину Рынкевичу устроиться на лечение в военный госпиталь, оказывал помощь вдовам полицейских чинов; раздавал деньги сиротам; студентам учебных заведений на проездные билеты и т.д. 30 ноября 1906 г. с высочайшего соизволения Ее Императорского Величества Императрицы Марии Фёдоровны А.А.Рейнбот был утверждён почётным членом Московского Совета детских приютов.

Помимо всего прочего, в обязанности градоначальника входило устройство званых обедов, принятие высоких почётных гостей г. Москвы, участие во всевозможных вечерах, балах, даваемых представителями высшего общества. Вот что писала в своих воспоминаниях Татьяна Александровна Аксакова-Сиверс, дочь известного генеалога А.А.Сиверса, участница одного из балов в доме К.П.Клеймихеля²⁶: «В обязанности градоначальника входило чествование знатных иностранцев, и для шведского принца было организовано несколько охот на волков. Большая фотография изображала охотников в подмосковном лесу. Тут были и Рейнбот, и принц Вильгельм, и его приближённые шведы, ... брандмайор Гартье. У их ног лежали семь убитых волков. Даря мне такую группу, Зинаида Григорьевна Рейнбот, со своей

ственным ей купеческим тоном пренебрежения к малоимущим людям, сказала: «Генералу столько возни с этими гостями! В конце концов их охоты очень дорого стоят! Нищие принцы ни за что не платят, и генерал отдувается за всех». Эти ... слова подали повод к написанию мною на задней стороне фотографии следующей строфы, посвящённой Вильгельму Бернадоту:

Хоть он ездит на охоту, но несчастному Рейнботу
Всё приходится платить, да волков ещё дарить»²⁷.

В 1906 г. революция отступала, но не была окончательно подавлена. Весной наметился новый подъём революционного рабочего движения. 1 мая в Москве не работало более половины предприятий. 24 июля, в связи с Свеаборгским и Кронштадтским восстаниями, забастовали рабочие многих крупных предприятий. Однако число открытых выступлений народных масс в это время было уже невелико, хотя отдельные события имели место. Революция шла на спад. За годы революции как грибы нарождаются революционные газеты разного толка, со страниц которых неслись откровенные призывы к мщению. Москву, помимо стачек и забастовок, захлестнули погромы и новые террористические акты. 23 апреля 1906 г. социалистом-революционером Б.Вноровским в коляску московского генерал-губернатора Ф.В.Дубасова была брошена бомба, в результате взрыва погиб его адъютант граф С.Н.Коновницин, Дубасов был ранен.

«30 октября 1906 года Москва омрачилась новым злодейским покушением. Когда градоначальник А.А.Рейнбот шел пешком по Тверской, направляясь к церкви св. Василия Неокесарийского на освещение школы и богадельни, в него была брошена бомба, которая, по счастливой случайности, перелетев через него, упала на мостовую и взорвалась, не причинив никому вреда. Преступник был схвачен, но в эту минуту успел ещё сделать несколько выстрелов из револьвера, тоже никого не задевших. Градоначальник продолжал свой путь и только после молебствия вернулся домой, показав стойкое хладнокровие»²⁸. Этот случай произвёл сильное впечатление на ближайшее окружение А.А.Рейнбота и на служащих градоначальства, которые преподнесли ему икону Иверской Божьей матери, икону св. Николая Чудотворца и папку с адресом, в знак счастливого спасения. О покушении стало известно государю императору Николаю II. Он проявил большой интерес и много расспрашивал об этом московского губернатора

В.Ф.Джунковского. 6 декабря, в день тезоименитства Николая II последовало зачисление А.А.Рейнбота в Свиту Его Величества.

А.А.Рейнбот продолжал исполнять свои обязанности градоначальника, открыто посещая при этом различные торжественные собрания и празднества. Оказывал помощь и поддержку различным слоям общества, о чём рассказывают документы: «Квитанция № 19705 выдана в том, что в 1-ой Московской женской гимназии получены сто рублей следующие за обучение девиц Павловых Татьяну и Елену сроком с 1 января 1907 г. по 1 июля 1907 г.»²⁹. 9 февраля священнослужителю Иоанну Кедрову от господина Московского градоначальника поступило двести рублей для голодающих, а 10 марта конно-полицейский стражник Костромского уезда Алексей Максимович Прибыльский получил от московского градоначальника пять рублей для обратного проезда на родину. Все эти случаи становились известными в Москве и обыватели стали с большим доверием относиться к А.А. Рейнботу, к которому шли за различной помощью. Главной целью своей деятельности А.А. Рейнбот считал утверждение местной власти и пошатнувшегося порядка в городе, причём мирными средствами, памятуя к чему привело подавление революции в Москве: «Рейнбот, очевидно, достаточно наслышавшись о деятельности Дубасова и об отношении к нему москвичей, с самого начала своей деятельности повёл себя диаметрально противоположно»³⁰.

В июле 1906 г. московским генерал-губернатором был назначен генерал-лейтенант С.К.Гершельман с оставлением также в должности командующего войсками Московского военного округа, с которым впоследствии у А.А.Рейнбота сложились весьма натянутые отношения. С.К.Гершельман стал предъявлять ему требования, делать запросы, а 24 ноября 1907 г. на основании распоряжения министра Министерства Внутренних Дел лишил А.А.Рейнбота всякой дисциплинарной власти над его подчинёнными. «Из этого мне ясно было, что со стороны Министерства это было прямое предложение мне оставить свой пост, сделанное при том в крайне обидной для меня форме. Несомненно, что такое решение могло быть основано лишь на полном ко мне недоверии, а потому я немедленно подал докладную записку об отчислении от должности...»³¹. А 12 декабря 1907 г. последовало официальное сообщение о снятии генерала

А.А.Рейнбота с должности московского градоначальника согласно его прошению.

«Его уход искренне огорчил городское управление, которое во главе с Гучковым возбуждало хлопоты об оставлении Рейнбота. 23 декабря городское управление поднесло ему прочувствованный адрес. Многие слои населения весьма сожалели Рейнбота»³², - писал В.Ф.Джунковский. В это время в Москве усиленно ходили слухи, возможно и с целью понизить симпатии населения к А.А.Рейнботу, что его уход якобы связан с его колоссальным картонным долгом, а также с приездом в Москву комиссии под председательством действительного статского советника Зайончковского. Комиссия была прислана в Москву в соответствии с письмом Министерства внутренних дел от 8 октября 1907 г. за № 8367 для детального ознакомления с практической постановкой полицейского дела для готовящегося проекта реформы полиции и проверки сыскного отделения. Слухи привели к ревизии градоначальства. «8 января 1908 г. в Москву прибыла сенаторская проверка под председательством сенатора Гарина для расследования неправильных действий Московского градоначальства. Вместе с Гариним прибыли директор Департамента полиции Зуев, представители Департамента Государственного казначейства Н.А.Дмитриев и Министерства юстиции П.А.Гассман и Д.П.Бусло. Последний представлял из себя форменного провокатора и был правой рукой Гарина, почему ревизия и приняла с первых своих шагов характер не сенаторской ревизии, а какого-то мелкого сыска»³³. С.Ю.Витте, ненавидевший Столыпина, писал в своих воспоминаниях: «Столыпин увидел в Рейнботе своего будущего соперника, и это было не без основания, потому что Рейнбот очень решительный человек, но имеет тормоза, так как он человек умный и довольно культурный, он был в двух военных академиях, тогда как у Столыпина именно этих тормозов не было вследствие его крайней ограниченности, и, кроме того, влияние многочисленных родичей, часто весьма сомнительной нравственности. Поэтому Столыпин сочинил сенаторскую ревизию над Рейнботом»³⁴. Падение А.А.Рейнбота в декабре 1907 г. было более стремительным, чем возвышение, причём более громким и скандальным. Следствие длилось несколько лет. Обвинения в адрес А.А.Рейнбота в различных должностных преступлениях были вынесены на суд обществу задолго до того, когда было назначено официальное следствие: «Пока официально ко мне не предъявлено ника-

ких обвинений! Всё, что я знаю, я вычитал из газет, а пресса, при всём моём к ней уважении, всё же для меня частный источник...»³⁵. Само следствие началось только со второй половины июля 1909 г. Ещё задолго до официального расследования А.А.Рейнбот подал докладную записку на имя временно-командующего императорской главной квартирой, в которой писал: «Не считая возможным, по существующему обычаю, во время судебного разбирательства оставаться в почётном мундире Свиты Его Величества, вчерашнего числа я подал прошение об увольнении меня от службы»³⁶. Положение А.А.Рейнбота оставалось прежним — он не имел права голоса. До 2 января 1910 г. ему не было предъявлено ни одного обвинения, и он не мог пользоваться никакими процессуальными правами. И только со 2 января по 11 мая 1910 г. А.А.Рейнботу была дана возможность высказаться. Высказывания А.А.Рейнбота предстали в форме «заявлений», которые были опубликованы в 1910 г. на правах рукописи под названием: «Ответ А.А.Рейнбота на обвинения его в преступлениях должности. Полный текст заявлений на имя члена Московской Судебной Палаты Л.Б.Шадурского в ответ на постановления о привлечении к следствию». В виду необычайности «дела» А.А.Рейнбота, его «заявления» в своей совокупности дают ответы на все предъявленные ему обвинения и представляют большой интерес как по форме, так и по содержанию. Это дало ему возможность публично высказаться и обозначить свою позицию. Только с 28 апреля 1911 г. в Москве в судебном присутствии Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената с участием сословных представителей началось слушание дела бывшего московского градоначальника отставного генерал-майора А.А.Рейнбота и его бывшего помощника отставного полковника В.А.Короткого по обвинению их в преступлениях по должности. Дело слушалось в Екатерининском зале здания Судебных установлений и продолжалось до 17 мая. «Со стороны обвинения были вызваны 178 свидетелей, со стороны защиты — 25 свидетелей, в числе их московский городской голова Н.И.Гучков и начальник московской охранки фон-Коттен, расхваливавшие деятельность Рейнбота по наведению «порядка» в Москве в 1906 г.»³⁷. А.А.Рейнбот обвинялся в следующем: в ряде нарушений кассовых правил, которые были допущены в казначейской части московского Градоначальства; в превышении власти при разрешении административным порядком дел о нарушении обязательных постановле-

ний по санитарной части и т. д. После допроса многочисленных свидетелей 12 мая начались прения сторон. Обвинитель, товарищ обер-прокурора Сената Носович, указав на целый ряд случаев превышения власти и недопустимых правонарушений, вывел заключение, что все это было сделано А.А.Рейнботом, главным образом, для искания популярности. Закончил же он свою обширную речь сожалением, что такой богато одаренный и талантливый человек, как А.А.Рейнбот, позволил себе опуститься настолько, что из героя обратился в деателя, очутившегося на скамье подсудимых. Представители защиты К.А.Минятов и Карабчевский горячо защищали своего доверителя. К.А.Минятов в заключение своей речи сказал, что А.А.Рейнбот был популярен и, может быть, даже слишком популярен для того, чтобы не явилось желания уничтожить его еще более популярным обвинением. Адвокат Карабчевский говорил вслед за К.А.Минятовым, приведя ряд данных в защиту подсудимого, он закончил свою речь словами: «Если Рейнбот и виновен в некоторых мелких прегрешениях, то потерпел он за это страшно. Высота падения делает более жгучей боль, которую испытывает падающий. Человек, стоявший высоко, пал ниже, и боль для него чувствительнее. Я полагаю, что то зло, если он его причинил кому-нибудь, неизмеримо ниже того зла, которое на него обрушилось»³⁸. Затем было предоставлено последнее слово подсудимым. А.А.Рейнбот сказал: «Четыре года надо мной тяготееют все обвинения, которые прошли сейчас перед Правительствующим Сенатом. Четвертый год я подвергаюсь этим оскорблениям, этим унижениям, о которых говорила моя защита. Здесь же, в зале, мне было брошено тяжкое оскорбление уже личного свойства обвинителем, который сказал, что я скрыл концы, прося ревизии сенатора. Я здесь доказал документально, что и было подтверждено свидетельскими показаниями, что я оставил открытыми книги на моем столе, когда я ушел из стен градоначальства. Я ушел из градоначальства, оставив его так, как оно было в минуту подачи моего прошения об отставке. Эти концы я передал сенатору Гарину, чтобы по ним дойти до правды. Я жду приговора Правительствующего Сената. Моя совесть совершенно покойна»³⁹. 17 мая вынесен был приговор, одинаковый и для А.А.Рейнбота, и для В.А.Короткого. Их лишили особых прав и преимуществ, и было принято решение о заключении А.А.Рейнбота и В.А.Короткого в исправительное арестантское отделение на 1 год. Но в связи с

тем, что судили высокопоставленных особ, то итоги расследования предварительно представили на всемилостивейшее рассмотрение государя императора, дабы смягчить приговор. Такой приговор по своей суровости явился полной неожиданностью. Все полагали, что А.А.Рейнботу грозит только отрешение от должности. «Едва председательствовавший сенатор Гераков прочитал слова: «исправительное арестантское отделение», как в огромном зале заседания пронесся гул, послышались восклицания, кто-то ахнул, порядок сразу нарушился. Когда весь приговор был прочитан и было объявлено, что прежние залого Рейнбота и Короткого остаются в силе, то публика бросилась и окружила Рейнбота, его обнимали, целовали, пожимали руки»⁴⁰. После суда либеральная пресса писала с возмущением: «под видом формальной справедливости русская государственность передаёт своим врагам ещё одного из своих защитников»⁴¹. Правящие круги Москвы, окружение А.А.Рейнбота возлагали надежду на царскую милость. И она не заставила себя долго ждать – 18 июня Государь Император помиловал обоих. В ответ на высочайшую милость бывший градоначальник писал в телеграмме на имя Николая II: «Дерзаю припасть к стопам Вашего Величества и принести мою всеподданнейшую благодарность за высокую оказанную мне милость, служа верой и правдой Вам Государь и Родине я был страшно потрясён теми подозрениями, которые тяготели надо мною и страдания мои увеличивались возможности потери доверия Вашего Величества. Последняя Ваша милость сделала меня бесконечно счастливым и я молю Бога, чтобы он дал мне возможность в будущем на деле оправдать Ваше высокое ко мне доверие»⁴². «Так закончилось дело бывшего московского градоначальника, принесшего несомненную пользу городу в 1906 г. и ценимого в Москве администратора»⁴³. Другого исхода эта история и не могла иметь, так как А.А.Рейнбот находился на самом верху иерархической лестницы, где особенно в то время процветало интриганство и карьеризм, бездарность и бюрократизм. В секретной записке сенатор Н.И.Гарин⁴⁴ писал: «В годину всяких неуверенностей и недоверий власть не может молчать, когда ей следует говорить, и, чем грознее её окрик, чем важнее и неуязвимее, казалось бы, лицо, заслужившее этот окрик, тем сильнее подымается её престиж, доверие к ней; тем ярче разгорается в сердцах верноподанных огонь к Государю...»⁴⁵.

О дальнейшей судьбе А.А.Рейнбота известно следующее: после приказа об отчислении его от должности московского градоначальника, он не воспользовался разрешённым ему отпуском в Пермскую губернию и «до окончания ревизии оставался всё время в подмосковном имении (г.Воскресенск им. Покровское-Рубцово)»⁴⁶.

Покровское-Рубцово Звенигородского уезда Московской губернии было имением З.Г.Морозовой-Рейнбот - второй жены А.А.Рейнбота, с которой он обвенчался 17 августа 1907 г.: «бракосочетание Зинаиды Григорьевны с генералом Анатолием Анатольевичем Рейнботом, состоявшееся спустя два года после смерти С.Т.Морозова, было продиктовано честолюбивыми интересами богатой вдовы. Высокое положение нового супруга открывало перед его женой двери даже в придворные круги»⁴⁷, такое предположение об этом союзе сделал десятилетия спустя внук З.Г.Морозовой-Рейнбот - Савва Морозов. Счастье было недолгим и уже в декабре 1907 г. новый супруг Зинаиды Григорьевны был отстранён от должности градоначальника, а затем разразился известный скандал. В октябре 1908 г. А.А.Рейнбот написал прошение на имя императора Николая II об отставке: «Расстроенные домашние обстоятельства лишают меня возможности продолжать службу Вашего Императорского Величества»⁴⁸. 12 ноября последовал высочайший приказ об увольнении А.А.Рейнбота от службы с мундиром.

В 1909 г., когда шло следствие по делу А.А.Рейнбота, З.Г.Морозова-Рейнбот покупает «обветшалое имение Горки близ Подольска»⁴⁹ у купцов Герасимовых, оставив имение Покровское-Рубцово своему старшему сыну Тимофею Саввичу. Для реставрации новой усадьбы «был приглашён Франц Осипович Шехтель. Уже знаменитый к тому времени московский архитектор»⁵⁰. Работы по ремонту и реставрации усадьбы длились несколько лет. «Я работал недель десять в Горках в имении у Рейнбота, у жены его Морозовой Зиновии Григорьевны. Там мы делали гараж. После пятого года то было, уже Рейнбот не был градоначальником, а уже в простой партикулярной одежде ездил в имение, - вспоминал старый рабочий Д.Д.Наумов. - Виллу строили. Это иностранное было сооружение, а строение старое было ещё Герасимовых, которые до Рейнбота здесь барствовали, пока не продали имение Морозихе.... По рождению она Зина, это её отец Григорий выстроил театр Зимины»⁵¹.

Новое имя З.Г.Морозовой-Рейнбот было необходимо, как считает ряд авторов⁵², для приобретения душевного равновесия. Жизнь продолжалась и была заполнена заботами об устройстве нового загородного дома. Исполнилось и заветное желание З.Г.Морозовой - в 1912 г. она была зачислена в родословную книгу дворянства Московской губернии на основании прошения своего мужа А.А.Рейнбота.

Громкий судебный процесс, закончившаяся карьера в 40 лет, не помешали семейному благополучию А.А.Рейнбота и З.Г.Морозовой в великолепно отстроенном загородном имении. Но в 1914 г. разразилась мировая война и, следуя своим верноподданническим обещаниям, отставной генерал уходит на фронт. Он заменят свою немецкую фамилию Рейнбот на Резвого вследствие повальной болезни, которой страдали в то время многие, носившие немецкие фамилии. Из воспоминаний бывшего губернатора Москвы В.Ф.Джунковского, сопровождавшего в годы войны императора во всех его поездках по стране и обеспечивавшего для него усиленную охрану, известно, что в мае 1915 г. А.А.Рейнбот находился в Варшаве и занимал должность по санитарной части.

В 1916 г., по свидетельству внука З.Г.Морозовой-Рейнбот, брак между Зинаидой Григорьевной и Анатолием Анатольевичем распался. З.Г.Морозова-Рейнбот стала полноправной хозяйкой Горок.

О службе в действующей армии и о последних годах жизни А.А.Рейнбота почти ничего не известно. Есть предположения, что после известных событий в октябре 1917 г. он был на стороне белого движения и погиб на фронтах гражданской войны в 1920 г.

1. Лихачёв Д.С. Избранное о культурном и природном наследии // Экология культуры. М., 2000. С. 11-24.
2. РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 2614. Л. 14.
3. Шамурин Ю. Подмосковные. Кн. 2-я. М., 1914. С. 57.
4. Кириченко Е.И. Горки. Архитектура русской усадьбы 1910-х годов // Музейный сборник. Вып. № 5. М., 1999. С. 29.
5. Бахрушин Ю.А. Воспоминания. М., 1994. С. 269.
6. РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1324. Л. 18.
7. Витте С.Ю. Воспоминания: В 3-х т. М.-Таллин, 1994. Т. 3 (17 октября 1905 – 1911 гг.). С. 462-464.

8. Нюландская губерния – самая наименьшая в Финляндии, занимала южную материковую часть и располагалась на берегу Финского залива. (Энциклопедический словарь Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона. СПб., 1897. Т. 42. С. 482-483).
9. РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1324. Л. 19 об.
10. Там же. Л. 19 об.
11. Герард Николай Николаевич - русский государственный деятель, был председателем петербургского мирового съезда; позднее обер-прокурор 4-го департамента сената, сенатор. (Энциклопедический словарь. Брокгауз и Ефрон. Биографии. М., 1993. Т. 4. С. 5.)
12. Витте Сергей Юльевич - крупный реформатор, министр финансов, председатель Кабинета министров, председатель Совета министров, выдающийся дипломат. При Александре III и в первые годы царствования Николая II играл решающую роль в государственных делах. Без него не происходило ни одного назначения на крупную государственную должность.
13. Витте С.Ю. Указ. соч. С. 462- 464.
14. Обер-полицмейстер – главный начальник полиции в крупных городах - Санкт-Петербурге, Москве. Должность московского обер-полицмейстера бала упразднена правительством с 1 января 1905 г. (Рогожникова Р.П., Карская Т.С. Школьный словарь устаревших слов русского языка. М., 1996. С. 327.)
15. Градоначальство было ликвидировано постановлением Временного правительства от сентября 1917 г. Его функции перешли в ведение столичного комиссара. (Справочник. Москва. Городское управление. М., 1997. - С. 73-74.)
16. Волков Евгений Николаевич - с 1 января по 21 апреля 1905 г. градоначальник Москвы. Причиной его отставки послужило убийство в Кремле 4 февраля 1905 г. вел. Кн. Сергея Александровича. (Справочник. Москва. Городское управление. М., 1997. С. 73-74.)
17. Московский листок. 1906. 14 января.
18. Там же.
19. Там же.
20. Московский листок. 1906. 15 января.
21. Джункоский В.Ф. Воспоминания: В 2-х т. М., 1997. Т. 1. С. 141.

22. РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1307. Л. 17.
23. Московский листок. 1906. 6 августа.
24. Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 223.
25. Там же. С. 234.
26. Клейнмихель Константин Петрович - граф, действительный тайный советник, егермейстер, состоял при министре внутренних дел.
27. Аксакова-Сиверс Т.А. Гимназические годы Московский альбом. М., 1997. С. 245.
28. Ведомости московского градоначальства и столичной полиции. 1906. 31 октября.
29. РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1307. Л. 52.
30. Бахрушин Ю.А. Указ. соч. С. 269.
31. РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1324. Л. 1.
32. Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 263.
33. Там же. С. 271-272.
34. Витте С.Ю. Указ. соч. С. 462-464.
35. Голос Москвы. 1909. 22 марта.
36. РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1324. Л. 17.
37. История Москвы: В 6-ти т. М., 1955. Т. 5. С. 671-672.
38. Джунковский В.Ф. Указ. соч. С.564.
39. Там же. С. 564.
40. Там же. С. 565.
41. Звезда. 1911. № 23. С. 11.
42. РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1324. Л. 29, 30.
43. Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 565.
44. Гарин Николай Павлович - русский административный деятель; помощник статс-секретаря Государственного Совета; с 1905 г. — сенатор. С 15 декабря 1907 г. на Гарина возложено производство сенаторской ревизии московского Градоначальства и московской полиции, а 29 августа 1908 г. - и ревизия прочих московских правительственных установлений. (Энциклопедический словарь. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Биографии. М., 1993. Т. 3. С. 644.)
45. Гарин Н.П. К делу А.А.Рейнбота. СПб., 1910. С. 25.
46. РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1307. Л. 29 об.
47. Морозов С. Дед умер молодым. Документальная повесть. М., 1988. С. 196.
48. РГВИА. Ф. 970. Оп. 3 Д. 1324. Л. 15 об.
49. Морозов С. Указ. соч. С. 196.
50. Там же.

51. РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 2614. Л. 13.
52. Давиденко С.В., Савинова Е.Н. Ф.О.Шехтель и Морозовы //Историко-культурное наследие России конца XIX - начала XX вв. Труды научной конференции, посвящённой жизни и творчеству Ф.О.Шехтеля. М., 1997. С. 48 – 63; Калякина А.В. Роман вдовы с градоначальником. // Родина. 2000. № 8. С. 53-56.

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ЛЕНИНСКОГО ФОНДА РГАСПИ ГОРКИНСКОГО ПЕРИОДА

Создание и научная обработка фонда документов В.И. Ленина имеет свою историю, которую условно делят на два этапа. Первый этап связан с образованием Института В.И. Ленина в 1923 г., его большой собирательской работой, первоначальной научно-технической обработкой ленинских документов и формированием справочного аппарата к ним. Основным ленинским фондом института включал в себя, помимо документов, автором которых был В.И. Ленин, архив секретариата Ленина в СНК и СТО, протоколы Совнаркома и СТО, документы Н.К. Крупской и членов семьи Ульяновых и другие комплексы документов, выделенные много позднее в отдельные самостоятельные фонды.

После слияния Института В.И. Ленина с Истпартом в 1928 г. в Основной ленинский фонд было включено более 20 тысяч историко-партийных документов, что отразилось и на составе, и на названии фонда, и в Центральном партийном архиве его стали называть Основным фондом.

Выделение документов В.И. Ленина на отдельное хранение произошло уже после Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Это стало главным содержанием второго этапа научной обработки ленинских документов. Был сформирован фонд № 2 (ленинский фонд), состоящий из нескольких описей¹.

Постепенно в ленинском фонде формировалась опись документов под номером два, предназначавшихся для «внутреннего хранения». Первое упоминание об этих материалах, направляемых на «секретное хранение», согласно делу описи № 2 относится к 1951 г. К декабрю 1953 г. в этой описи, получившей статус «секретной», было собрано, по ее же данным, 1488 документов общим объемом 5549 листов за период жизни и деятельности В.И.Ленина с 1903 по 1923 гг.² Важно отметить, что факты, связанные с историей создания ценных источников, также, как и они сами, никогда не упоминались и не публиковались ни в последнем, пятом Собрании сочинений В.И.Ленина, ни в изданной двенадцатитомной Биохронике В.И.Ленина. Если учесть, что в 12 томах Биохроники более 6 тысяч ленинских документов опубликовано впервые³, то цифра примерно в 1500

единиц хранения, а значит и фактов, связанных с их созданием, «засекреченных» во второй описи, все-таки кажется внушительной. Напомним, что это - источники по самым злободневным вопросам внутривластной жизни большевистской партии, внутренней и внешнеполитической деятельности советского правительства и его главы - В.И.Ленина: по советизации прибалтийских и закавказских республик в годы гражданской войны, по истории Гохрана и судьбе «золотого» фонда страны, по истории ВЧК и судьбам российского духовенства и интеллигенции, по истории Коминтерна, осуществлению «мировой революции» и финансовой помощи западным компартиям и т.д. Именно эти документы и можно охарактеризовать, как «малоизвестные» документы ленинского фонда РГАСПИ.

Публикатор книги «В.И.Ленин. Неизвестные документы. 1891-1922 гг.» в предисловии к данному изданию отмечает, что «из всего комплекса неопубликованных документов к 1990 г. лишь 600 находились формально на особом хранении»⁴. Составители издания имели в виду лишь те материалы, автором которых был В.И.Ленин. Отметим еще раз: на особом, «секретном» хранении к 1990 г. по данным самой описи находилось около 1500 единиц хранения. Сюда вошли и документы с резолюциями, пометками рукою В.И.Ленина, автором которых он не являлся. Это протоколы СНК и СТО, корреспонденция на его имя от сотрудников различных наркоматов, переписка между работниками наркоматов, направленная председателю Совнаркома для ознакомления, телеграммы, письма, докладные записки деятелей РКП(б) и Коминтерна на имя Ленина и многие другие.

Рассекречивание второй описи второго фонда в 1991 г. совпало с резким падением интереса к ленинской тематике. Традиционный и устойчивый интерес к личности В.И.Ленина в этот период проявляли зарубежные советологи. По соглашению, заключенному между РЦХИДНИ и Йельским университетом, зарубежные исследователи получили право публикации документов архива, в том числе и из бывшей «секретной» описи фонда. Именно поэтому известный советолог Ричард Пайпс в 1996 г. издал на английском языке книгу «Неизвестный Ленин. Из секретного архива»⁵, где опубликовал более ста документов, в том числе из второй описи второго фонда. Глубоко символическим было то, что первыми с неизвестными работами Ленина ознакомились зарубежные, а не российские читатели.

И тем не менее, по правилам публикации архивных документов первой публикацией является лишь та, которая осуществлена на языке оригинала. Параллельно с Р.Пайпсом над неопубликованной частью ленинского наследия работал авторский коллектив из старейших и опытных сотрудников архива, подготовивших к изданию в 1999 г. сборник «В.И.Ленин. Неизвестные документы. 1891-1922», в который вошло 422 документа, в том числе и 113, опубликованных Р.Пайпсом⁶. Поэтому первой публикацией неизвестных ранее ленинских произведений является все-же российское издание.

С разрешения дирекции РГАСПИ в документальной экспозиции музея «Политическая история России. 1917-1924 гг.» в Государственном историческом заповеднике «Горки Ленинские» с начала 1990-х гг. стали появляться ксерокопии неопубликованных ленинских документов, которые самим архивом официально готовились к печати. Так, с 1993 по 2000 гг. в документальной экспозиции в Горках Ленинских были представлены из второй описи второго фонда неопубликованные документы по истории высылки российской интеллигенции, по истории ВЧК, документы о судьбе «золотого фонда» с пометками В.И.Ленина и некоторые другие, связанные с периодом его пребывания в Горках на отдыхе и на лечении. Посетители музея, как правило, не имевшие доступа к архивным источникам, знакомились с новыми фактами жизни и деятельности В.И.Ленина на документальной экспозиции в Горках Ленинских.

К концу 1990-х гг. из 1488 единиц хранения, значившихся в описи № 2, было опубликовано не более 400, если учесть, что составители российского издания опубликовали неизданные ранее ленинские работы и из первой описи второго фонда.

Оставшуюся часть неопубликованных документов второй описи второго фонда по содержанию можно охарактеризовать как внутривнутриполитический, экономический, внешнеполитический фон или пласт, в котором работал В.И.Ленин. Авторами этих документов были его ближайшие соратники. Без этих источников освещение истории большевистской партии, политической истории страны послеоктябрьского периода будет неполным. Ценность их и в том, что они расширяют представление о деятельности самого Ленина, поскольку его пометки, резолюции имеются на всех документах.

Среди этих документов находятся и те, с которыми В.И.Ленин знакомился в Горках. Их около сорока. Они отно-

сятся к периоду его летних отпусков в 1920-1921 гг. и связаны с подготовкой ко II и III конгрессам Коминтерна, а также к 1922 г. в связи с февральским отпуском и длительным пребыванием на отдыхе в Горках с мая по сентябрь после первого инсульта. В основном это корреспонденция на имя Ленина от его ближайших соратников - рукописные документы Г.Е. Зиновьева, Г.В. Чичерина, Л.Д. Троцкого, А.А. Иоффе, И.С. Уншлихта, машинописные тексты с автографами К.Б. Радека, Л.Б. Красина, И.В. Сталина. Имеется также рабочая переписка, например, между сотрудниками Наркомата иностранных дел или между Наркоматом иностранных дел и Наркоматом внешней торговли, направленная Ленину в Горки для ознакомления. Эти документы принято называть «маргиналиями», поскольку на них имеются пометки рукою В.И. Ленина. Именно по этому признаку они находятся на хранении в ленинском фонде.

Обращает на себя внимание «Договор между МК РКП(б) и ГПУ о функционировании санатория «Горки», заключенный 5 апреля 1922 г. Как известно, В.И. Ленин впервые приехал в Горки 25 сентября 1918 г. после ранения. Территория Горок уже была освоена и обжита. Еще в июле 1918 г. по решению МК РКП(б) в Горках был открыт дом отдыха для ответственных партийных работников. В Южном флигеле усадьбы была столовая санатория, из которой приносили обеды и для семьи Владимира Ильича. С отдыхающими санатория, по многочисленным воспоминаниям, встречался Ленин.

К сожалению, история дома отдыха так и не стала темой отдельного научного исследования. Найденный источник, «Договор», позволяет четко определить организации и их подразделения, а также фамилии лиц, явившихся впоследствии фондообразователями, по документам которых можно изучать историю дома отдыха. Подлинник представляет из себя машинописный текст на одном листе формата А 4 с автографами секретаря МК РКП(б) И.А. Зеленского и начальника специального отделения при президиуме ГПУ А.Я. Беленького, ставшего еще в конце 1921 г. начальником охраны В.И. Ленина. В Горки Ленину была передана заверенная копия документа, которая и хранится во второй описи фонда № 2. На копии имеются пометки рукою В.И. Ленина: «Горки». 6.IV.22», «в архив ((секретно))»⁷.

Приведем полностью текст документа:

«Договор, заключенный между МК РКП(б) и ГПУ на предмет функционирования санатория «Горки». 5 апреля 1922 г.

1) Санатория при имени «Горки» находится в распоряжении МК РКП(б) и ГПУ.

2) Товарищ, посылаемый в санаторию на отдых должен посылаться с согласия ГПУ.

3) За ГПУ оставляются постоянных свободных два места, в которые посылаются ответственные сотрудники по усмотрению ГПУ.

4) Администрация и служащие санатория назначаются МК РКП(б) с согласия ГПУ.

5) Финансовое и продовольственное обслуживание санатории берет на себя всецело Мосздравотдел.

6) Мосздравотдел должен следить за своевременным и доброкачественным доставлением для санатории продовольствия.

Договор действителен по 1-е мая 1923 года.

Подписали: секретарь МК РКП(б) Зеленский, начальник спец. отделения при Президиуме ГПУ Беленький.

Москва 5 апреля 1922 г.

С подл. верно *

Примечание: переданы копии с вышеуказанного договора 1) В.И.Ленину, 2) тов. Рогову - для Мосздравотдела, 3) заведующему санатории «Горки»⁸.

Информация, содержащаяся в документе, может помочь выявить списки отдохавших, а также списки сотрудников санатория по архивным данным двух организаций - бывшего МК РКП(б) и ГПУ. Фиксация в договоре такого подразделения, как Мосздравотдел, и ответственного лица при нем - Рогова поможет выяснить условия отдыха партработников и самого В.И.Ленина в связи с финансовым и продовольственным обеспечением санатория.

Наконец, указание на срок окончания действия договора - 1 мая 1923 г. позволяет предположить, что в мае был заключен новый договор о функционировании санатория «Горки». Как известно, 15 мая 1923 г. тяжелобольного В.И.Ленина, перенесшего третий инсульт, привезли в Горки, и до конца своей жизни, почти безвыездно, за исключением октябрьской поездки в Москву, Ленин находился в Горках. Можно ожидать, что новый договор еще более ужесточил режим работы санатория. Если уже к 1922 г. ГПУ взяло под свой контроль персональный со-

став отдыхающих и обслуживающих работников, то, по всей видимости, в новом договоре были прописаны мероприятия во избежание утечки информации о больном В.И.Ленине, находящемся в Горках на лечении в 1923 г. Поиск и исследование нового договора поможет, на наш взгляд, пролить свет на спорную проблему «изоляции Ленина» в Горках.

Безусловный интерес представляют документы о подготовке Генуэзской конференции, с которыми В.И.Ленин знакомился в Горках. Их около двадцати. Они посвящены выработке позиции советской делегации, а также Коминтерна на предстоящей конференции и могут быть использованы при дальнейшем совершенствовании документальной экспозиции в музее политической истории России в Горках Ленинских. Общая черта этих документов - их частный характер, индивидуальная неповторимость, поскольку корреспондентами Ленина были разные люди со своим стилем изложения, с набором собственной аргументации, изложенной с большей или меньшей степенью импульсивности. Это живые человеческие документы, в которых отражена как эпоха, так и характеры самих корреспондентов. В.И.Ленину писали Г.В.Чичерин, Г.Е.Зиновьев, К.Б.Радек, Л.Д.Троцкий, А.А.Иоффе и другие.

Публикуемое ниже письмо А.А.Иоффе В.И.Ленину из Петрограда от 13 февраля 1922 г. является одним из таких документов. Почему этот документ попал на «секретное хранение»? Выскажем предположение, что по двум причинам. Первая - это критика Иоффе подготовки общей линии советской делегации на предстоящих переговорах. Вторая - слишком непосредственная, а потому, на первый взгляд, непонятная реакция В.И.Ленина на начало письма. А.А.Иоффе пишет: «...Вы, насколько я знаю, продолжаете руководить делами и в особенности подготовкой к Генуэзской конференции...» Слева на полях против этих строк Ленин делает надпись «ха - ха!! похоже!!!» и отчеркивает ее пятью вертикальными линиями. Он не скрывает своей реакции от членов Политбюро, поскольку делает еще одну запись вверху первой страницы: «Строго секретно. Членом П(олит)бюро. Прошу пометить и вернуть мне. 22/II. Ленин». Здесь же имеется пометка Сталина: «Читал. Сталин»⁹.

Почему Ленин иронизирует по поводу своего руководства делами в подготовке к Генуэзской конференции? Попробуем ответить на этот вопрос.

После состоявшейся в январе 1922 г. в Каннах конференции Верховного совета Антанты, определившей срок созыва международной конференции по экономическим и финансовым вопросам в Генуе 8 марта и принявшей решение о приглашении советской делегации, во многих странах Европы произошли министерские кризисы. Слишком глубокими оказались противоречия между странами-инициаторами конференции. Французскому премьер-министру Бриану, поддержавшему в Каннах либеральную политику Ллойд-Джорджа, собственная Палата выразила недоверие. Французские газеты негодовали: «Итак, Ленин приглашен сидеть рядом с Брианом!» Кабинет Бриана пал. Новое правительство возглавил Пуанкаре - представитель националистических кругов Франции. Пуанкаре занял жесткую позицию. Он требовал отсрочки конференции на три месяца, безусловного сохранения Версальского договора, безоговорочного признания всех долгов Россией. Ни о каком признании советской России не могло быть и речи до тех пор, пока большевики у власти. Следом за французским ушли в отставку правительства Польши, Австрии, Греции, Италии. Созыв конференции в марте оказался под вопросом¹⁰.

Были противоречия между странами Антанты и Соединенными Штатами Америки. Правительство США не спешило занять свою позицию по поводу Генуи. За годы первой мировой войны Америка превратилась в мирового кредитора. Страны Антанты были крупнейшими должниками Соединенных Штатов. Их общая задолженность по военным займам с процентами достигала десяти миллиардов долларов. Например, из расходного бюджета Франции в 25 миллиардов франков ежегодно уходило в Америку только на уплату процентов по займам, заключенным для ведения войны, 13 миллиардов франков. Слухи о списании в Генуе военных долгов заставили американский Сенат в начале февраля принять билль, определивший сроки погашения союзниками долга¹¹.

Ситуацию вокруг Генуи неожиданно усложнил лидер лейбористской партии Великобритании А.Гендерсон. В начале февраля он обратился к своему правительству с предложением сделать вторым пунктом повестки дня в Генуе вопрос о предоставлении Грузии независимости. Большевизация советской Грузии военными методами была излюбленной темой западной социал-демократии. Но в устах представителя Англии, подавлявшей национально-освободительное движение в своих колониях

теми же военными методами, эта тема звучала более, чем пикантно. Газета «Правда» 10 февраля поместила телеграмму о «несчастной инициативе» Гендерсона. Ленин отреагировал в тот же день. В письме Г.В.Чичерину он писал: «...Нам выгодно, чтобы Геную сорвали..., но не мы, конечно... Заем мы получим лучше без Генуи, если Геную сорвем не мы... Надо придумать маневры половчее, чтобы Геную сорвали не мы. Например, дура Гендерсон и К очень помогут нам, если мы их умненько подтолкнем... У «них» все летит. Крах полный...»¹². Членам Политбюро Владимир Ильич предложил в «Известиях ВЦИК» поддержать Гендерсона «за «счастливую мысль» расширить программу конференции, но, расширить ее, разумеется, не только Грузией, а всеми нациями и колониями»¹³.

В двадцатых числах февраля советскому правительству было совершенно ясно, что 8 марта конференция не откроется. Итальянское правительство сообщило, что ведет переговоры с союзниками о переносе сроков конференции.

Еще раз обратим внимание на дату пометок В.И.Ленина на письме Иоффе - 22 февраля. В этот день Ленину было известно, что открытие конференции 8 марта под большим вопросом, но еще не было ясно, когда же она откроется и состоится ли вообще. Только 25 февраля в ходе личной встречи двух премьеров - Ллойд Джорджа и Пуанкаре была намечена новая дата созыва Генуэзской конференции - 10 апреля.

В результате вышеизложенного непосредственность реакции В.И.Ленина и его ирония становятся более понятными: созыв конференции был под угрозой из-за противоречий между странами-участницами, и это было на руку главе советского правительства, поскольку слишком жесткими казались предварительные условия участия в конференции советской делегации.

В публикуемом ниже письме А.А.Иоффе критикует общую линию подготовки советской делегации, в частности, отсутствие у нее политической программы. Ключевой, на наш взгляд, является следующая фраза Иоффе: «...Какую же мы политику должны проводить теперь? Должны ли мы, в связи с Новой Экономической Политикой, менять и нашу, так сказать, политическую политику или нет?»¹⁴ Этот вопрос был вполне логичен не только для такого ортодоксального марксиста, каким был Иоффе, но и для многих коммунистов. Слишком много было в партии людей, которым были непонятны границы, глубина,

временные рамки внутриэкономических преобразований в результате новой экономической политики. Это создавало затруднения и при выработке формулировок в связи с выходом России на международную экономическую арену.

Уже в октябре 1922 г. не кто иной, как нарком иностранных дел Г.В.Чичерин, вновь обращается к Ленину: «Пользуюсь случаем, чтобы написать Вам о самом важном. Перед Генуей Вы мне писали: «для нас выгоден разрыв, но он должен исходить не от нас». Почему?? Я тщетно добивался ответа. Недостаточно иметь директивы по отдельным частностям, мне надо знать общую мысль правительства. Мне оставалось только вести уклончивую политику... Незнание нашей основной мысли мне во всем мешает»¹⁵.

Одним из дискуссионных пунктов при подготовке к Генуе был вопрос о пропаганде. Позиция А.А.Иоффе: «Нельзя упустить такой трибуны, как Генуя, не изложив нашей программы, тем более, что мы обязаны делать это в интересах мировой революции»¹⁶ являлась противовесом позиции Л.Б.Красина, Г.В.Чичерина, да и самого В.И.Ленина в вопросе о пропаганде коммунистических идей в Генуе.

Нарком внешней торговли Л.Б.Красин в письме Г.В.Чичерину 19 января 1922 г. в частности писал: «Со стороны Советской делегации было бы утопией вести переговоры, исходя из положения о близкой победе пролетариата. Это было бы уместно, если бы Буденный стоял на Рейне, или хотя бы в Берлине»¹⁷. Противником пропаганды коммунизма в Генуе был и Г.В.Чичерин. Ознакомившись с письмом А.А.Иоффе и другими материалами, он писал В.И.Ленину 25 февраля: «Вырисовывающаяся из противоположных мнений, стоящая перед нами дилемма напоминает ту дилемму, которая стояла перед нами в момент Бреста: следует ли нам погибнуть вследствие непримиримости, завещав наши лозунги следующим поколениям или подписать Брестский договор, то есть, вступить на путь лавирования или отступления. В настоящий момент перед нами дилемма: идти ли вследствие непримиримости на то, что нам будет закрыт или по крайней мере в высшей степени затруднен путь к восстановлению хозяйства, или же продолжать линию лавирования и идти на сделки ради сохранения политической власти пролетариатом, предоставляющим некоторое поле деятельности частному капиталу, но устанавливающим для него

строгие рамки. У тов. Иоффе я нахожу отзвуки антибрестовской постановки вопроса»¹⁸.

Письмо А.А.Иоффе было последним в ряду докладных записок о предстоящей Генуэзской конференции, с которыми познакомился В.И.Ленин. В течении февраля он прочитал письма, доклады, поступившие на его имя от М.М.Литвинова, Г.В.Чичерина, К.Б.Радека, Л.Б.Красина. Официальным ответом Ленина своим корреспондентам можно считать «Проект постановления ЦК РКП(б) о задачах советской делегации в Генуе», написанный им 24 февраля. В основу этого проекта были положены тезисы Литвинова¹⁹.

Как известно, в Горках в периоды отпусков и лечения В.И.Лениным было написано, передано по телефону, подписано около 800 документов. Сегодня, имея в распоряжении новые исторические источники, эту цифру можно скорректировать. Примерно, 40 новых «горкинских» документов, автором которых был Владимир Ильич, помещено в сборнике «В.И.Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922». Еще около сорока документов, подписанных, помеченных Лениным в Горках и до сих пор не опубликованных, находится во второй описи второго фонда РГАСПИ. Напомним еще раз, что эти материалы не были учтены как горкинские и не вошли в общую цифру созданных в Горках произведений, поскольку информация о них была засекреченной и не попала в Биохронику В.И.Ленина.

С учетом вышеизложенного, в ежедневной научно-просветительской работе сотрудников заповедника может звучать иная цифра. За полтора года активного отдыха в Горках, то есть до мая 1923 г., Владимиром Ильичем Лениным было написано, передано по телефону и подписано около 900 документов.

1. Фонд документов В.И.Ленина. М., 1984. С.177-178.
2. РГАСПИ. Ф.2. Дело описи 2. С 433.
3. Фонд документов В.И.Ленина. М., 1984. С.330.
4. В.И.Ленин. Неизвестные документы. 1891-1922. М., 1999. С.5.
5. The Unknown Lenin. From the secret archive. Edited by Richard Pipes. New Haven and London, 1996.
6. В.И.Ленин. Неизвестные документы. 1891-1922. М., 1999. С.8.
7. РГАСПИ. Ф.2. Оп.2. Д.1189. Л.1.

8. Там же.
9. Там же. Д.1140. Л.1.
10. История дипломатии. Т.3. М.-Л., 1945. С.154
11. Там же. С.160.
12. В.И.Ленин. Неизвестные документы. 1891-1922. М., 1999. С.504.
13. Там же. С.505.
14. РГАСПИ. Ф.2. ОП.2. Д.1140. Л.2.
15. В.И.Ленин. Неизвестные документы. 1891-1922. М., 1999. С.560-561.
16. РГАСПИ. Ф.2. ОП.2. Д.1140. Л.3.
17. Там же. Д.1116. Л.2.
18. Там же. Д.1151. Л.1.
19. В.И. Ленин. ПСС. Т.44. М., 1970. С.406-408.

Приложение.

Письмо А.Иоффе В.И.Ленину.

Петроград. 13 февраля 1922 г.

Машинописный текст на 4 листах формата А 3 с автографом А.Иоффе, пометкой В.И.Ленина на л.1 «Строго секретно. Членам П(олит)бюро. Прошу пометить и вернуть мне. 22 /П. Ленин», надписью В.И.Ленина на л.1 «ха-ха!! ППП похоже!!! ППП»,

и пометкой И.В.Сталина «Читал. И.Сталин».

Надпись и пометка В.И.Ленина - автографы красными чернилами, пометка И.В.Сталина - автограф черными чернилами, письмо - подлинник с правкой А.Иоффе.

«Петроград. 13 февраля 1922 г.

Уважаемый Владимир Ильич.

Очень извиняюсь, что утруждаю Вас во время Вашего нездоровья и отдыха, но т(ак) к(ак) Вы, насколько я знаю, продолжаете руководить делами и в особенности подготовкой к Генуэзской конференции¹, а я хочу в этом письме коснуться некоторых, по моему мнению, чрезвычайно важных вопросов, то я надеюсь, что Вы все же это письмо дочитаете.

Проездом в Москве я был на одном заседании комиссии СНК и у меня создалось впечатление, что самого главного в подготовке к конференции нет.

Основываясь на своем, все же большем, чем у кого бы то ни было из членов нашей партии, дипломатическом опыте², я

утверждаю, что всякие переговоры только тогда могут быть успешными, когда представляют собою сплошную, строго выдержанную и заранее обдуманную политическую кампанию. Всякие переговоры всегда ведутся не только за дипломатическим столом, но и на широкой политической арене. Отношение прессы, общественное мнение, дипломатическая «интрига», умение использовать разногласия внутри лагеря противников, закулисные разговоры, давление на негоциаторов³ итд., - все это столь же необходимые элементы переговоров, к(ак) и самые дебаты с представителями противной стороны.

Быть может я ошибаюсь, но мне кажется, что такой линии у делегации еще нет. На том заседании, где я был, говорили много о наших экономических требованиях и контртребованиях, но ничего о нашей программе. Я тогда же указал тов. Кржижановскому, что то, что должна получить делегация от госплана есть представление нашего плана экономического восстановления Европы.

Я нисколько не сомневаюсь, что в Генуе, к(ак) и на всех переговорах, будет обмен программами делегаций. Где же наша программа?

До сих пор на всех наших переговорах программа нам была ясна: помимо достижения наилучших для каждого данного момента условий мира, мы всегда преследовали цели, т(ак) наз(ываемой) «мирной оффензивы»⁴; даже отказавшись от столь откровенной, к(ак) в Бресте, политики революционизирования, мы все же всегда стремились на переговорах продемонстрировать свою советскую сущность и завоевать симпатии угнетенных классов и народов, и этой цели мы /по крайней мере я всегда/. приносили в жертву даже кое-какие из «реальных интересов», если это было необходимо.

Какую же мы политику должны проводить теперь? Должны ли мы, в связи с Новой Экономической Политикой, менять и нашу, т(ак) сказать, политическую политику или нет? В связи с этим большим вопросом встает ряд более мелких, но не менее важных: должны ли и можем ли мы отказываться от «преимущества»? Можем ли мы, например, изображать дело так, будто заключенные нами миры были вынужденными и мы желаем их пересмотреть, или же мы должны остаться на старой точке зрения, что всегда и при всех условиях мы остаемся верными принципу самоопределения народов?⁵

Всякая дипломатическая кампания должна вытекать из оценки и анализа общего международного положения. Хотя теперь в моде пессимизм, но я полагаю и позволяю себе утверждать, что благодаря развалу буржуазного мира никогда еще мы не находились в более выгодном положении. Мне думается, что Генуя создается не только для того, чтобы навязать нам отказ от наших советских принципов и насильно втянуть в семью буржуазных народов. Генуя должна явиться иллюзией предотвращения мировой войны, которую все чувствуют и все боятся, и должна послужить средством для создания разных союзов, союзников и коалиций. В буржуазном мире идет в большом масштабе борьба между Европой и Америкой за гегемонию над миром и в малом масштабе, но более актуально для данного момента борьба между Англией и Францией за гегемонию в Европе. В этих условиях мы попадаем в положение разборчивой невесты, к которой все сватаются. И одним из важнейших вопросов является вопрос, будем ли мы в Генуе выходить замуж или останемся такой невестой.

Чтобы не утруждать Вашего внимания, я умышленно не ставлю других вопросов и ограничиваюсь только этими, без предварительного разрешения которых, по-моему, и в Геную то ехать незачем.

Я думаю, что первая наша декларация должна быть серьезно обдумана и написана в Москве. Я думаю, что эта декларация должна состоять из двух частей - политической и экономической. В первой должна быть дана наша программа мира, во второй наша программа экономического восстановления Европы. Я думаю, что в этой нашей декларации должна быть сохранена преемственность с нашей прошлой политикой; быть может, в такой форме, чтобы в декларации была изложена т(ак) сказать и наша программа максимум и наша программа минимум: было бы изложено сначала все то, что мы считаем необходимым для сохранения мира и для экономического восстановления, а затем было бы указано, что т(ак) к(ак) буржуазия этого осуществить не может, то мы согласны и на паллиативы, на программу буржуазного пацифизма и возможных в буржуазных рамках экономических мероприятий. Нельзя упустить такой трибуны, к(ак) Генуя, не изложив нашей программы, тем более, что мы обязаны делать это в интересах мировой революции. При известном такте такое «Zem Fensterhinaus reden»⁶ не может запугать наших противников, ибо умение нашей диплома-

тии заключается вовсе не в том, чтобы изображать себя людьми, переставшими быть коммунистами /этому все равно никто и не поверит/, а в том чтобы доказать, что мы такие, к(ак) мы есть «коммунисты, фантасты и доктринеры» достаточно реальные политики, чтобы быть наиболее выгодным для буржуазного мира Российским правительством.

Но, с другой стороны, в этой же декларации должны быть использованы и все выгоды нашего положения, а выгодным оно остается до тех пор, пока мы продолжаем быть для всех желанными и никому не даемся в руки. Как только мы свяжемся с какой-нибудь одной из борющихся комбинаций, т(ак) мы и потеряем все свои выгоды. И все наше дипломатическое умение здесь заключается в том, чтобы мы играли, а не нами играли, ибо, если мы эти закулисные интриги будем проводить неумело, то интригуемая нами политическая комбинация эту интригу сама может использовать для шантажирования своих противников, и, выиграет она, а не мы. Тут именно нужна величайшая осторожность и хитроумнейшая ловкость и тут именно возникает самый трудный вопрос: должны ли мы сразу выдвинуть предложение всеобщего отказа от военных долгов, ибо это предложение сразу же оттолкнет от нас Америку и поставит нас в плоскость Европы⁷. Я полагаю, что из дипломатических соображений лучше этого не делать, но, по примеру нашего Брестского предложения создания международного фонда для восстановления разрушенных войной территорий ввиду непосильности этого для какого-либо одного государства, выдвинуть теперь предложение создания чего-нибудь вроде международного фонда или банка для защиты интересов держателей международных военных займов. Быть может, эта идея и не-правильна, но основная моя мысль использования выгоды нашего положения, ни с кем не связываясь и всех заманивая, безусловно правильна. И это нужно сделать еще до конференции, ибо сейчас идут всякие совещания, в частности, Балтийское, где мы можем много напортить⁸.

В заключение еще один вопрос. При всяких переговорах одно неосторожное слово может все испортить. Состав нашей делегации, с точки зрения внешней, а не внутренней дипломатии, нельзя сказать, чтоб был весьма удачен⁹. Старый порядок, при котором переговоры вел один председатель, а все остальное было т(ак) сказать для декорации, теперь невозможен, но, с другой стороны, невозможно также, чтобы у нас была делега-

ция вроде польской, где было столько мнений, сколько членов делегации. Поэтому, я предлагаю, чтобы еще в Москве были строго разграничены роли между членами делегации и было бы создано нечто вроде политбюро делегации, имеющее, в случае необходимости, право решать на месте¹⁰.

С коммунистическим приветом А.Иоффе».

(РГАСПИ. Ф.2. ОП.2. Д.1140. Л.1-4).

Комментарии:

1. Генуэзская конференция проходила с 10 апреля по 19 мая 1922 г. В ее работе приняли участие представители 29 стран. Советская делегация защищала на конференции интересы РСФСР, Азербайджанской, Армянской, Грузинской, Белорусской, Украинской, Хорезмской, Бухарской, Дальневосточной республик. Конференция не решила поставленных перед нею задач. Требование возврата иностранной собственности и признания долгов прежних правительств как обязательного условия предоставления новых кредитов было оспорено советской делегацией, предъявившей контрпретензии за ущерб, нанесенный Советской России в результате интервенции. 19 мая на третьем и последнем пленарном заседании было принято решение, что работу Генуэзской конференции продолжит комиссия, которая соберется в Гааге 26 июня. Но, вместе с тем, советская делегация решила задачу, поставленную перед нею В.И.Лениным – «разъединить между собой объединенные в Генуе против нас буржуазные страны», подписав 16 апреля в Раппало договор с Германией. По Раппальскому договору правительства России и Германии взаимно отказывались от возмещения военных расходов, а также убытков, причиненных им и их гражданам во время войны. Германское правительство отказывалось от требования возврата национализированной промышленности прежним германским собственникам при условии, что Советская Россия не будет удовлетворять аналогичных претензий других государств.

2. В декабре 1917 г. А.А.Иоффе возглавлял советскую делегацию на мирных переговорах с Германией и ее союзниками в Брест-Литовске; с июля 1918 по март 1919 г. А.А. Иоффе - полпред РСФСР в Германии; с апреля 1919 г. - член Совета Обороны Украины; в январе, феврале 1920 г. - председатель советской мирной делегации по переговорам с Эстонией о за-

ключении мира; с апреля по август 1920 г. - полномочный представитель РСФСР на мирных переговорах с Латвией; в июле 1920 г. назначен полномочным представителем на мирных переговорах с Литовской республикой; с сентября 1920 по март 1921 г. - председатель российско-украинской делегации на мирных переговорах с Польшей; в июне 1921 г. назначен представителем ЦК РКП(б) на переговорах в Риге с дашнаками; с августа по октябрь 1921 г. - чрезвычайный уполномоченный ВЦИК и СНК в Туркестане, Бухаре, Хорезме; с января по май 1922 г. - член советской делегации на Генуэзской конференции; с ноября 1922 г. А.А.Иоффе работает представителем РСФСР в Китае. В январе, феврале 1923 г. на имя В.И.Ленина поступают письма и докладные записки Иоффе как руководителя дипломатической миссии РСФСР в Пекине о положении в Китае и состоянии советско-китайских отношений.

3. Очевидно, производное от двух слов: негоциант и инициатор.

4. Политика «мирного наступления».

5. 2 февраля 1920 г. был заключен мирный договор между Россией и Эстонией; 12 июля 1920 г. подписан мирный договор между РСФСР и Литвой; 11 августа 1920 г. подписан мирный договор между Россией и Латвией; 14 октября 1920 г. - мирный договор между РСФСР и Финляндией; 18 марта 1921 г. - мирный договор между Польшей, Россией, Украиной и Белоруссией; в 1921 г. подписаны договоры об установлении дружественных отношений между РСФСР и Ираном, РСФСР и Афганистаном, РСФСР и Турцией.

6. Дословно: «держать речь из окна наружу».

7. Америка не была заинтересована в отказе от военных долгов, поскольку за годы мировой войны превратилась в мирового кредитора западных стран.

8. Созыву регулярных балтийских конференций, целью которых было создание антисоветского балтийско-польского блока, способствовала французская дипломатия. Балтийские конференции собирались каждые 6 месяцев по очереди в столицах Польши, Латвии, Эстонии, Финляндии.

9. Состав делегации под председательством В.И.Ленина был утвержден на Чрезвычайной сессии ВЦИК 27 января 1922 г. Заместителем председателя делегации был назначен Г.В.Чичерин, членами делегации: М.М.Литвинов, Л.Б.Красин, Х.Г.Раковский, А.А.Иоффе, Э.Я.Рудзутак, В.В.Воровский, Н.Н.Нариманов, Б.Мдивани, А.Бекзадян, А.Г.Шляпников,

Т.В.Сапронов.

10. По инициативе В.И.Ленина Г.В.Чичерин как зампред делегации обладал всеми правами председателя делегации. На случай болезни или отъезда Чичерина его права передавались по очереди одной из двух троек: а) М.М.Литвинову, Л.Б.Красину, Х.Г.Раковскому; б) М.М.Литвинову, А.А.Иэффе, В.В.Воровскому. По инициативе Г.В.Чичерина был разработан «Проект инструкции делегатам, отправляющимся на Всеобщую конференцию в Генуе», с которым ознакомились В.И.Ленин и члены Политбюро. Согласно инструкции поведение членов делегации во время переговоров подчинялось правилам жесткого централизма и было поставлено под безусловный контроль председателя или зампредседателя делегации. Так, членам делегации было запрещено публично заявлять протест в случае несогласия с выступлением председателя (зампредседателя) или заменяющего его в ведении переговоров члена делегации. «Категорически и безусловно» запрещалось без ведома председателя (зампредседателя) посещение каких-либо помещений, занимаемых рабочими и иными организациями, митингов, собраний и выступление на них, прием у себя представителей каких-либо организаций, посылка в Россию статей для прессы, раздача литературы агитационного содержания, упоминание в частных письмах чего-либо о Генуэзской конференции и так далее.

АРХИВНЫЕ НАХОДКИ

Данная статья посвящена нескольким документам из фондов Российского государственного архива современной политической истории (фонд 14 - неопубликованные воспоминание о В.И.Ленине и фонд 16 - документы о ранении В.И.Ленина, его болезни, кончине и организации похорон).

Эти материалы позволяют по-новому взглянуть на некоторые аспекты истории Дома-музея в Горках и расширить наши представления об отдельных экспонатах мемориальной экспозиции.

Как известно, после смерти В.И.Ленина директор музейного отдела Института Ленина Розенфельд подняла вопрос о сохранении бытовой обстановки в кабинете Владимира Ильича в Совнаркоме и Горках. С этим предложением она обратилась в Комиссию по организации похорон В.И.Ленина. Были разработаны предложения о создании в Горках музея, в частности речь шла о музеефикации трех комнат второго этажа Большого дома в качестве мемориального ленинского комплекса. Вопрос о музейном использовании дома в целом тогда не был решен. Это подтверждает письмо М.И.Ульяновой, в редакционную коллегию справочной книги «Вся Москва»: «В ответ на Ваше отношение от 24 августа сего года на №406, сообщаем Вам, что никакого музея в совхозе Горки не имеется и вопрос об открытии такого пока не ставится М.Ульянова»¹.

Несмотря на отсутствие в Горках музея, все же был предпринят ряд шагов для увековечения памяти В.И.Ленина: законсервированы и не использовались как бытовые - кабинет и комната В.И.Ленина на втором этаже Большого дома, проведены кино- и фотосъемки усадьбы Горки, к годовщине смерти В.И.Ленина на балконе Большого дома был установлен портрет Владимира Ильича в полный рост. Остановимся на истории этого портрета, не раз запечатленного на фотографиях Большого дома.

В фонде 14 хранятся несколько документов, выписанных на имя М.И.Ульяновой в январе 1925 г. В редакцию газеты «Правда» были представлены три счета на сумму 434 рубля за произведенные работы в Горках. В эти работы входило написание портрета В.И.Ленина в полный рост, изготовление дубовой

рамы, флага и футляра. Счета были оплачены редакцией по распоряжению М.И.Ульяновой.

Художник Домоширов за короткий срок изготовил этот портрет В.И.Ленина. Работа была начата 19 января, а закончена 22 января 1925 г. Портрет был выполнен в необычной манере. Художник написал его «на зеркальном стекле одноцветной светящейся краской и покрыл лаком цапона»². Портрет был установлен между колонн на балконе Большого дома в Горках.

Упоминания об этом портрете встречаются еще несколько раз в документах данного фонда. Одно из них - письмо директора совхоза «Горки Ленинские» Тетерина М.И.Ульяновой от 17 июня 1934 г. Сообщая о проведении переговоров с Домошировым о художественном оформлении клуба-столовой, школы, ленинского уголка, Тетерин напоминает Марии Ильиничне о том, что Домоширов - художник, написавший портрет В.И.Ленина, установленный на балконе Большого Дома³. Этот документ важен для нас тем, что фиксирует нахождение данного портрета в Горках и в 1934 г.

К этому же году и, скорее всего, тому же автору - директору совхоза «Горки Ленинские» Тетерину, следует отнести и документ, названный «Характеристика совхоза Горки», где также отмечается, что в Большом доме находится «на террасе верхнего этажа большой портрет Ленина на стекле, освещаемый по вечерам»⁴.

Таким образом, несмотря на то, что в этот период еще не был создан музей в Горках, значение этого места, его связь с последними годами жизни Владимира Ильича подчеркивалась таким своеобразным способом. Этот портрет, заметный с Каширского шоссе днем и ярко освещенный ночью, превращал этот дом в своеобразный ленинский маяк, путеводную звезду.

На сегодняшний день мы не располагаем документами, позволяющими проследить последующую судьбу этого портрета и утверждать, что на прилагаемом фотоснимке мы видим портрет, выполненный художником Домошировым в 1925 г. Архивные документы дают возможность выявить только начальную сторону истории этого портрета.

Историю одного мемориального ленинского предмета удалось уточнить также на основании документов РГАСПИ (ф.16, оп. 2с.). Это автоматическое кресло-коляска, стоящее на площадке перед лестницей на второй этаж Большого дома. По данным Биографической хроники В.И.Ленина это кресло-коляска

было подарено Владимиру Ильичу английскими рабочими⁵. Это сообщение основывалось на воспоминаниях солдата охраны В.И.Ленина - А.В.Бельмаса. Воспоминания эти находятся в настоящее время в РГАСПИ. «Осенью 1923 г., - вспоминает А.В.Бельмас, - ЦК Английской компартии прислал Владимиру Ильичу автоматическую коляску. Ее показали Владимиру Ильичу как сюрприз - вот тебе подарок. Ильич взглянул на коляску, покачал отрицательно головой»⁶.

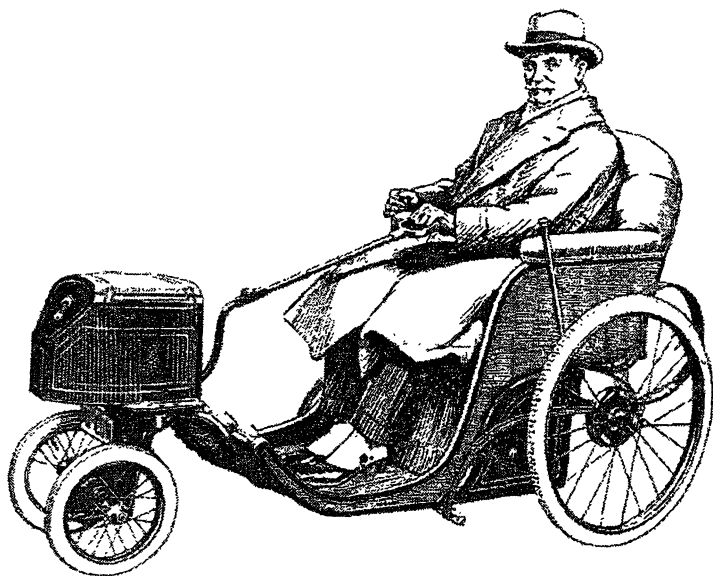
Однако вновь найденный документ позволяет усомниться в истинности этого рассказа. Речь идет о записке сотрудника Центрсоюза В.Тихомирова секретарю В.И.Ленина Л.А.Фотиевой. В ней сообщается о том, что В.Тихомировым получено извещение о закупке в Лондоне двух кресел самокатов высшей конструкции для Владимира Ильича, которые в ближайшее время должны быть доставлены в Москву⁷. К записке прилагается рекламный проспект с изображением коляски идентичной той, что находится в мемориальной экспозиции Большого дома. В рекламном листке излагаются характеристики самоходной коляски и указана фирма-изготовитель. Тот же фирменный знак стоит и на музейном экспонате.

Известно, что осенью 1923 г. здоровье Владимира Ильича начало улучшаться. Он активно занимался гимнастикой, ходил. В связи с чем для него в Лечебно-протезном институте была изготовлена специальная ортопедическая обувь: фетровые сапоги, ортопедические боты, пимы⁸. Тяготясь чрезмерной опекой, Владимир Ильич высказывал желание совершать прогулки самостоятельно, вероятно, это и побудило его врачей или родных заняться приобретением автоматической коляски.

Выскажем предположение, что воспоминания А.В.Бельмаса были написаны много позже или навеяны какими-то другими событиями и вещами. Думается, что эти воспоминания вошли в Биохронику, прежде всего, потому, что записка В.Тихомирова хранится в фонде, который на момент выхода многотомника был недоступен для исследователей, так как находился в режиме специального хранения. И только открытие фонда позволило уточнить историю этого мемориального предмета.

1. РГАСПИ.Ф. 14. Оп. 1. Д. 382. Л. 1.
2. Там же. Д. 157. Л. 14 -15.
3. Там же. Л. 28- 28 об.

4. Там же. Л.39.
5. Ленин В.И. Биографическая хроника. М., 1982. Т. 12. С. 647.
6. РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 44. Л. 8.
7. Там же. Ф. 16. Оп. 2с. Д. 35. Л. 11.
8. Там же Л. 8.

**БИБЛИОТЕКА В.И.ЛЕНИНА В КРЕМЛЕ:
НАХОДКИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ**

Кремлевская библиотека Ленина - неотъемлемая часть музея «Кабинет и квартира В.И.Ленина в Кремле». Без нее экспозиция выглядела бы не только неполной, но и неестественной.

И практически на протяжении всех лет ее существования библиотека была объектом внимания исследователей. В одни времена более интенсивного, в другие – менее. Разумеется, сейчас заповедник не имеет тех возможностей (в плане привлечения специалистов, проведения экспертиз и т.д.), какими обладал в прежние времена, поэтому не исключено, что сегодняшнее сообщение поставит больше вопросов, чем даст ответов.

В 1961 г. вышло издание «Библиотека В.И.Ленина в Кремле. Каталог», ставшее своеобразным итогом одного из этапов изучения книжного собрания Ленина. Готовили каталог специалисты Государственной книжной палаты, поэтому издание обладает всеми достоинствами, присущими подобного рода книгам: обстоятельная вступительная статья, солидный справочный аппарат и пр. Наряду с этим «Каталог» имеет ряд особенностей, не дающих полного представления о личной библиотеке Ленина. Особенности эти носят как технический, так и конъюнктурный характер.

Во-первых, каталог составлен по «Единым правилам описания произведений печати для библиотечных каталогов больших библиотек и библиографических указателей», существовавшим в 50-60-е гг., в то время как ленинское собрание формировалось главным образом в начале 20-х гг. Кроме этого, Ш.Н.Манучурянец, комплектовавшая и систематизировавшая эту библиотеку, руководствовалась иной, более удобной для Владимира Ильича структурой, выделяя такие разделы, которые середине века были уже несвойственны. То есть музейная специфика собрания совершенно не отражена.

Во-вторых, в каталоге изменена нумерация книг. Например, многотомные собрания сочинений идут под одним номе-

ром, тогда как в библиотеке отдельный номер стоит на каждой книге (единице хранения). В результате, руководствуясь каталогом, отыскать нужное издание на полках, мягко говоря, сложно.

Еще сложнее, пользуясь каталогом, разыскать в библиотеке работы авторов, имена которых долгое время были под запретом, а именно: Л.Д.Троцкого, Н.И.Бухарина, А.И.Рыкова и др. Таких фамилий нет даже в указателе имен, а в каталоге нет их произведений. Но не всех. Нельзя было не упомянуть фундаментальную работу Н.И.Бухарина «Экономика переходного периода» с пометками В.И.Ленина на десятках страниц и шестью страницами ленинской рецензии на книгу. Упомянута и книга Leo Trotzki. Oktober-revolution bis zum Brest-er-friedens-vertrag. (Л.Д.Троцкий. «Октябрьская революция и Брестский мир»). Возможно потому, что издана она на немецком языке, и не всякий станет ее искать среди иностранной литературы. Но то, что на книге имеется дарственный автограф, опять-таки не оговаривается.

После всех таких сокращений и умолчаний в каталоге учтено 8450 книг, тогда как на самом деле на сегодняшний день в библиотеке В.И.Ленина в Кремле числится 10686 ед. хр. политической, научной, художественной, справочной и периодической литературы на двадцати языках.

Еще одна особенность каталога состоит в том, что за пределами внимания составителей осталось все, не связанное с именем В.И.Ленина. Поэтому по каталогу трудно определить хронологические рамки библиотеки и географию поступления литературы. Естественно, такое сугубо научное издание, как каталог, не рассчитано на эмоциональное восприятие, и, все-таки, интересно было бы узнать, что самими старыми в собрании являются три тома «La divina comedia di Dante Alighieri. Con note di Paolo Costa» («Данте Алигьери. Божественная комедия»), вышедшая в Риме в 1842 г.

Возможно, этот трехтомник относится еще к симбирскому периоду жизни Ульяновых, и именно по этому тексту Анна Ильинична, знавшая итальянский язык, хотела осуществить перевод «Комедии». Во всяком случае, карандашные пометки, принадлежащие А.И.Ульяновой, в книгах имеются. И это не единственное издание из симбирской библиотеки семьи Ульяновых. Сюда же относится сборник «Немецкие поэты», подаренный конференцией Симбирской Мариинской женской гим-

назию Ольге Ульяновой по случаю окончаний 4-го класса. Среди подписей педагогов есть автограф директора гимназии Ф. Керенского – отца главы Временного правительства А. Ф. Керенского. К этому периоду относится и автограф («О. Ульянова») на учебнике итальянского языка, принадлежавшем сестре Ленина.

Но, конечно, таких книг мало. Некоторое количество книг сохранилось с дореволюционных времен, в частности со времени эмиграции Ульяновых. К таким можно отнести VIII том десятитомного Полного собрания сочинений Н. Г. Чернышевского издания 1906 г. Том этот вместе с другими книгами находился у Владимира Ильича в дни его пребывания в Польше. Затем, как дар Адама Гржимайло-Седлецкого попал в городскую библиотеку г. Быдгощ, в 1930-х гг. обзавелся переплетом, библиотечными штампами и пометой «Z prywatnej biblioteki LENINA» («Из личной библиотеки ЛЕНИНА»). Из-за рубежа попала в ленинскую библиотеку и книга Ивана Головина «Россия при Николае I» (тоже одна из самых старых в собрании – 1845 год издания). На ней стоит штамп «Русская читальня. Цюрих».

Еще одно любопытное поступление, относящееся уже к тому времени, когда каталог находился в стадии составления, и потому в нем не зафиксированное. На форзаце III тома «Сочинений Н. В. Гоголя» (изд. А. Ф. Маркса, 1893 г.) стоит овальный штамп: «Помощникъ присяжного повереннаго В. И. Ульяновъ», прямоугольный штамп магазина № 15 Книготорга г. Куйбышева и имеется надпись: «Настоящая книга продана 28 апреля 1960 г. т. Мацкевичу (испр.: Мацкевичем) с двумя штампами, Хардин и Ульянов. 29/VI-60 г. З/маг. Сашов (?)». Очевидно, эта книга самарского периода жизни Владимира Ильича.

Есть издания, которые просто вызывают недоумение. К таким относится: «М. Рухимович. Застенок. Пьеса в 5-ти действиях и 6-ти картинах. – Издание первое. – Типография Политотдела 14-й армии. – 1920 г.» Через весь титульный лист красными чернилами дарственная надпись: «На память дорогому другу и товарищу Вадиму в память тяжелых но бодрых дней по пути отступления из Харькова через Лихую на Царицын. Бронепоезд под твоим командованием у Дона, постройка моста, непрерывные яростные атаки (так в тексте – А. С.) противника и философский, спокойный твой взгляд на мир нашей Группы останутся вечно кровью запечатленной картиной в памяти каждого из нас. М. Рухимович». Надпись эта напоминает о драмати-

ческом эпизоде гражданской войны, когда весной 1918 г. части Красной Армии отходили с Украины к Царицыну. (Об этих событиях см.: «Гражданская война 1918 – 1921. – Том первый. Боевая жизнь Красной Армии. М., 1928. – С.7 – 27.) И М.Рухимович, и Вадим – известные военачальники времен гражданской войны. Но каким образом книга подаренная одним другому оказалась в библиотеке Ленина? И кто сделал на обложке красным карандашом теперь уже полустертые надписи, среди которых можно разобрать: «Слабо. Мало жизни и много обывательщины»?

Десятка полтора книг попали к Ленину из рейнботовской библиотеки. На трех из них («Священник Иоанн Жемчужин. Десять лет в Павловске. Воспоминания Священника об устройстве Церкви гарнизона г. Павловска и постройке нового храма. 1905 г., 20 декабря. – С.-Петербург, 1906», «А.И.Мураневич. Семья и женщина. – Издание княгини Е.П.Голицыной. – С.-Петербург, 1906» и «Русский дух. Н.Д.Сергеевского, заслуженного профессора Императорского С.-Петербургского университета. – Харьков, 1907») есть дарственные надписи авторов А.А.Рейнботу. На одной книге – «Достоевский Ф.М. Дневник писателя. Ежемес. Изд. 1880. 3-й год изд. Август. Единственный выпуск на 1880-1881» – стоит автограф: «С.Морозова». На остальных – штампы библиотеки А.А.Рейнбота. Можно предполагать (основываясь на тематике книг), что еще ряд изданий в ленинской библиотеке могут происходить из того же источника, но для подтверждения или опровержения этих предположений надо иметь каталог библиотеки А.А. Рейнбота.

Основная же часть библиотеки формировалась в 1918 – 1924 гг. из разных источников: что-то было позаимствовано в том же здании, где разместилось Советское правительство (например, «Энциклопедический словарь» изд. Ф.А.Брокгауз и И. А.Эфрон., на томах которого стоит штамп «Юридическая библиотека при Московских судебных установлениях»; что-то приобреталось на книжных развалах; но подавляющее большинство книг по заказам Ленина доставлялось централизованно. Поэтому не удивительно, что на сотнях книг ленинской библиотеки стоят пометы-автографы: «В.И.Ленину», «Тов.Ленину», «Ленину», сделанные, наверное, работниками разных книжных коллегторов.

Когда речь заходит об автографах, то, естественно, прежде всего встает вопрос об автографах самого В.И.Ленина. Из

вестно, что с 20-х гг. Центральный партийный архив скрупулезно собирал ленинские документы, в том числе и книги, содержащие следы работы Владимира Ильича. Каталог отмечает, что в ЦПА (ныне РГАСПИ) хранится «около 900 книг, журналов и газет с пометками В.И.Ленина, причем около половины из этого числа находилось в библиотеке В.И.Ленина в Кремле» (С.11). Все книги с пометками Ленина, переданные в ЦПА, в кремлевской библиотеке заменены дубликатами. Ленинские автографы или пометки в них иногда воспроизведены (см., например: Г.Уэллс «Россия во мгле», Статья «Карл Маркс» в 28 томе «Энциклопедического словаря Т-ва бр. А.и И. Гранат и К^о», А.И.Деникин «Очерки русской смуты» и др.), иногда не воспроизведены, но в любом случае передача подобных книг в ЦПА в каталоге оговаривается. Так что можно было бы ожидать, что в кремлевском собрании книг ни одного ленинского автографа не осталось.

Тем не менее, они есть. По крайней мере два из них абсолютно бесспорны. Это надпись синим карандашом: «Переплести», находящаяся на мягкой обложке (под твердым переплетом) 4-го тома «Собрания сочинений К.Маркса и Ф.Энгельса», изд. 1920 г. и поправки В.И.Ленина, сделанные чернилами на тексте его заключительного слова при закрытии XI съезда партии. («Бюллетень XI съезда Российской коммунистической партии (большевиков). №8». — С. 30.) На этой же странице вклеена вырезка из газеты «Правда», озаглавленная «Поправки к заключительному слову т.Ленина» и помеченная знаком «х/». Под вклейкой рукой Ленина написано: «х/ Эти поправки были напечатаны в «Правде» № от ... ».

Есть группа автографов, принадлежность которых В.И.Ленину надо подтвердить или опровергать. Это, прежде всего, надпись синим карандашом: «Заштрихованные территории целиком заняты армянами. Татары уничтожены» на большой карте Кавказа, помещенной в деревянную раму в рабочем кабинете Ленина. Затем пометка (х), подчеркивание населенного пункта Краснохолмский на карте Оренбургской губернии и надпись на обрезе карты: «х — нефть. Верст 30 от желдороги» (все синим карандашом) в 43 полутоме «Энциклопедического словаря» изд. Ф.А.Брокгауз и И.А.Эфрон. Эти пометки были обнаружены уже в период пребывания коллекции в Горках. Они очень хорошо сочетаются с данными «Биографической хроники». 30 сентября 1919 г. в письме заместителю председателя

ВСНХ (А.Ломову или В.Милютину) Ленин, в частности, интересуется, что сделано для использования нефти, находящейся в 70 верстах от Оренбурга. (Т.8. — С. 527.) А несколькими днями позже он «беседует с председателем Главсланца И.М.Губкиным по вопросу о разведываемых нефтяных месторождениях, и в частности о нефти в 70 верстах западнее Оренбурга; высказывает пожелание проверить данные о нефтеносности этого района...» (Там же. — С. 552.) Возможно, именно в сентябрь-октябре 1919 г. и были сделаны указанные пометки.

Вызывает вопросы и брошюра «Проект постановления X съезда Р.К.П. по вопросу о роли и задачах профессиональных союзов, внесенный на рассмотрение Ц.К.Р.К.П., профессиональной комиссии при Ц.К. Москва. 1921 г.», хорошо известная всем сотрудникам горкинского музея «платформа десяти». На ее обложке характерным «летающим» почерком сделана карандашная надпись: «Корректурa. Возможны ошибки». В брошюру вплетена полоска бумаги с машинописным текстом: «1921. Пометки В.И. на стр.: 10, 11, 17.» И здесь же надпись карандашом: «Это пометки не В.И., а Зиновьева. Гляссер». Вряд ли этот вердикт является окончательным, и требуются дополнительные экспертные исследования. Есть и другие материалы с автографами, требующими авторитетного заключения специалистов.

Вторую группу автографов составляют те, которые принадлежат родным Владимира Ильича. Они тоже не все отмечены в каталоге. Выше уже говорилось о надписи «О.Ульяновой» в «Italienische sprachlehrt in regeln und deispielen fur den ersten bearbeitet von Adolf Mussafia/ - Wien, 1873». (Муссафия А. Изучение итальянского языка на основе правил и примеров. — Вена, 1873.) С помощью этого немецкого учебника гимназистка Ольга Ульянова изучала итальянский язык, о чем свидетельствуют ее многочисленные карандашные пометки в книге, а также стоящий на той же полке комплект уроков и упражнений по итальянскому языку, издания 1856 г. (тоже на немецком языке).

На сборнике стихов Ады Негри «Tempeste» («Буря») оставила свою роспись Анна Ильинична Ульянова. В 1892 г. Мария Александровна Ульянова подарила младшей дочери изящный двухтомник А.С.Пушкина, написав на форзаце первого тома: «Моей дорогой Маничке. 1 апреля 1892-го года».

Привлекает внимание штуттгардское издание 1874 г. «Собрание сочинений» Шиллера. На его форзаце чернилами еще не устоявшимся мальчишеским почерком написано: «Ульянов». Почти под всей фамилией проходит замысловатый росчерк. Была карандашная роспись и на титульном листе, но она почти стерлась, в добавок при реставрации ее заклеили полупрозрачной бумагой. Зато на внутренней стороне задней крышки книги вокруг изображения грота с помещенной внутрь анаграммой целая россыпь подобных пробных росписей и чернилами, и карандашом с тем же длинным росчерком, с развалом буквы «У». Последняя из росписей заканчивается заглавной буквой «А». Можно предположить, что на обложке «Шиллера» учился расписываться Александр Ульянов.

В сборнике «Дипломатическая переписка об отношениях между Российской республикой и союзными державами» изд. 1919 г. каким-то образом сохранились два библиотечных требования студентки Марии Ульяновой в библиотеку Парижского университета, датированные февралем-мартом 1909 г.

Если учесть, что в архиве музея есть папка со служебной и личной перепиской Дмитрия Ильича, можно с известной долей уверенности сказать: в личной библиотеке В.И.Ленина сохранились автографы всех членов семьи Ульяновых, за исключением Ильи Николаевича.

К сожалению, ограниченный объем статьи не позволяет даже перечислить все интересное, что можно найти на страницах книг библиотеки В.И.Ленина в Кремле. Это автографы соратников Ленина, дарственные надписи известных и не очень известных людей: раздел дарственной литературы насчитывает более полутысячи единиц хранения. Это вложения, которых после всех проверок и реставраций сохранилось около семи десятков. Это пометки на страницах более чем 250 книг, принадлежность которых еще предстоит выяснить. Вся эта исследовательская работа не самоцель и не удовлетворение праздного любопытства. Это подступы к большой, рассчитанной на длительную перспективу работе по созданию нового каталога библиотеки В.И.Ленина в Кремле и по изданию каталога автографов из этого собрания.

**СЕКРЕТНЫЕ ОТВЕТЫ ОРГАНОВ ОГПУ
В ЛИЧНОМ АРХИВЕ Н.К.КРУПСКОЙ**

О жизни и деятельности Надежды Константиновны Крупской написаны десятки книг и статей. Это не удивительно, так как нет ни одного сколько-нибудь значительного события в истории революционного движения в России, к которому бы не была причастна Крупская. После Октября ее деятельность также была разноплановой и чрезвычайно активной. Она вела большую переписку, ее статьи публиковались в газетах и журналах, ее научные работы по вопросам педагогики знаменовали собой прорыв в развитии народного образования. Однако, значительная доля того, что было написано Крупской по политическим вопросам, так и не увидело света и сосредоточено ныне в государственных и музейных архивах¹.

Коллекция музея «Кабинет и квартира В.И.Ленина в Кремле», ныне составляющая часть архивного фонда ГИЗ «Горки Ленинские», содержит комплекс материалов, относящихся к деятельности Н.К.Крупской. Как известно, Крупская умерла неожиданно. Незадолго до смерти, она уехала в Архангельское на отдых, а вечером 26 февраля 1939 г., в день празднования своего семидесятилетия, она почувствовала себя плохо и утром 27 февраля умерла «от глубокого поражения внутренних органов». Ее бумаги, переписка и личные вещи, находившиеся в квартире в Кремле, хотя и подверглись осмотру, но в значительной степени сохранились на своих местах. Квартира Ульяновых была вскоре опечатана, и ее обстановка оставалась неизменной до середины 1950-х гг., когда началось создание мемориального музея в Кремле.

В дальнейшем некоторые материалы в силу разных причин так и остались вне музейного учета. Один из таких уникальных комплексов документальных материалов – это секретные ответы Отдела по надзору за органами ОГПУ Прокурора Верховного Суда СССР, Главного Управления лагерями, органов НКЮстиции разных уровней на запросы Секретариата Н.К.Крупской, датируемые 1931-1933 гг.

В это время Н.К.Крупская возглавляла Главполитпросвет – отдел Наркомата Просвещения по политическому просвещению трудящихся, созданный в ноябре 1920 г., о задачах работы

которого писала: «Она должна заключаться в пропаганде основных идей Программы РКП(большевиков) как Программы, наиболее правильно оценивающей переживаемый исторический момент, правильно указывающей путь дальнейшего развития и правильно намечающей основные задачи, подлежащие разрешению»². Крупская расценивала Главполитпросвет как мощное средство «просвещения умов», способствующее «выработке в массах правильного понимания вещей», «выработке коммунистического мирозерцания». Средствами его влияния на массы были искусство, агитация и пропаганда, подчиненные политике РКП(б) и целям хозяйственного строительства³.

Конец двадцатых годов принес советскому обществу серьезные экономические трудности, обострение внутривнутрипартийной борьбы между представителями большевистского реформизма нэповского образца и сторонниками стремительного индустриального рывка на базе чрезвычайных мер в деревне. Эволюция мер нажима и репрессий в экономической сфере – это тема, требующая глубокого и всестороннего подхода, невозможного в столь кратком выступлении. Что касается Крупской, то она, периодически вступая в партийную полемику, в целом осталась на позициях «неизбежности классовой борьбы», но, вместе с этим, считала нужным обсуждать разные точки зрения и иметь «право говорить о своих ошибках»⁴.

Хотя среди работ Крупской есть такие, появление которых продиктовано партийной конъюнктурой, в большинстве из них она противостоит общепринятому толкованию «классовой борьбы», выступая против «перегибов» в социалистическом воспитании, превратных толкований ленинизма. Острое неприятие вызывала у нее политика свертывания очагов культуры, что являлось последствием остаточного принципа финансирования из средств госбюджета. В конце 20-х гг. о «крайне тяжелой обстановке» в Главполитпросвете Крупская писала в Коллегию Наркомпроса: «Дело повелось так, что я очень вежливо, «потоварищески», была отстранена от подбора людей, от всяких внешних сношений... Я не умею работать в такой нетоварищеской обстановке»⁵.

Самоотверженная работа Крупской в сфере просветительства и образования, ее человеческие качества способствовали тому, что именно к ней направляли свои жалобы обиженные, в ее приемную обращались с просьбой защитить от злоупотреблений на местах. «Никто в Наркомпросе, - писал

А.В.Луначарский, - не имеет такой живой связи с массами, ни к кому так охотно не обращаются для личного свидания или с письмами»⁶. Крупская не оставалась безучастной к судьбам арестованных и сосланных. Известно, что ей удалось спасти от преследования химика М.С.Соколова, писателя В.В.Бианки, краеведа Н.П.Анциферова. Она обращалась в органы НКВД с просьбой о помиловании Л.Б.Каменева, Г.Е.Зиновьева и других, объявленных шпионами и вредителями. Относительно судьбы А.И.Рыкова, Н.И.Бухарина, О.И.Пятницкого она лично обращалась к Сталину, но не получила на свои письма ответа⁷.

Крупской было горько сознавать свое бессилие, невозможность изменить ход вещей, но она не прекращала своих попыток как-то помочь людям. Ей было запрещено как заместителю наркома принимать родственников репрессированных и арестованных граждан. Тем не менее, многие на прием попадали, находясь «в крайне тяжелом, безвыходном положении». В день у нее бывало 45-47 человек. Справка Наркомпроса РСФСР о сути обращений трудящихся сообщала: «Преимущественно это личные дела судебного и бытового порядка. Превалируют просьбы, связанные с судебным разбирательством, помилованием, досрочным освобождением, пересмотром дела»⁸.

В коллекции Музея «Кабинет и квартира В.И.Ленина в Кремле» имеется телеграмма на адрес Крупской учительницы Марии Григорянц: «28 июня Судебная коллегия Верховного Суда Азербайджана приговорила [в] городе Баку [за] хищение кооперативного имущества мужа моего члена партии Андроника Григорянц [к] расстрелу. Между тем, он сын бедного мастерового человека, сам рабочий станка, был назначен [на] кооперативную работу [в] порядке рабочего выдвижения. Молод. Под судом впервые. Причинен ущерб всего несколько тысяч рублей. Учинил чистосердечное признание. Я дочь революционера, убитого [в] 1907 году. Имеем трех малолетних детей. Без всяких средств. Прошу ходатайства перед АзЦИК о помиловании»⁹.

В ходе исследовательской работы в настоящее время выявлено 28 секретных ответов отдела Прокуратуры Верховного Суда СССР по надзору за ОГПУ, республиканских и местных прокуратур и прокуроров на запросы Секретариата Н.К.Крупской Наркомпроса РСФСР относительно арестованных и репрессированных граждан.

Судя по их содержанию, только в трех случаях заступничество Крупской привело к пересмотру дел или их прекраще-

нию. Но даже в этих случаях пересмотр дел приводил к новым ограничениям граждан в правах. Так, постановлением Коллегии НК Юстиции Северо-Кавказской краевой Прокуратуры от 14 марта 1932 г. гражданка И.К.Панченко была освобождена из-под ареста с лишением прав проживать в 12 населенных пунктах и Уральской области «с прикреплением к определенной местности на 3 года»¹⁰. В других случаях пересмотр дел был признан «нецелесообразным».

Секретные ответы являются уникальными документами. В свое время практически все подобные материалы были изъяты из местных архивов, сконцентрировавшись сначала в их спецхранах, а затем в архивах соответствующих органов государственной безопасности. Граждане и их семьи, по понятным причинам, стремились избавиться от «компрометирующей» их переписки. Таким образом, данный комплекс представляется редким и ценным источником по истории советского общества 1930-х гг.

В этом сообщении хотелось бы остановиться на некоторых проблемах развития советской системы, которые высвечивают данные источники.

Одна из главных – проблема эволюции партийно-государственной системы в СССР в 1930-е гг. Уже в годы гражданской войны и период «военного коммунизма» задачи сохранения государственности привели к возникновению многочисленных чрезвычайных органов, мобильно реагирующих на задачи момента. В эти годы возросла роль партии в жизни общества, а высшее ее руководство как в центре, так и на местах стало восприниматься как важнейшая сила управления. В то же время роль советских органов была невысока, что объяснялось невысоким образовательным уровнем общей массы населения и его разнородностью. Начиная от съездов советов всех уровней до советских исполнительных органов, решения принимались только после постановлений или в соответствии с рекомендациями партийных организаций или чрезвычайных органов.

В этом плане характерно письмо Н.К.Крупской учительницы русского языка школы при фабрике Гознак М.Кременецкой. Она пишет, что ее муж арестован, а ее лишили «ударной карточки» на основании «решения треугольника школы»: «В международный день женщины, когда оттеняется значение женского труда, отмечается продвижение женщины на тех поприщах, которые до Октября были женщине недоступны,

когда говорится о выполнении заветов Ленина о равноправии женщины, странно слышать, что мой труд оценивается в связи с делом мужа. Разве я не представляю собой самостоятельной ценности? Паспорт мне дали, с работы не сняли, а ударницей, несмотря на качество работы, не признают. Имею ли я право считать себя обиженной, или прав треугольник школы? Ваше авторитетное слово жду я в разъяснение моего положения»¹¹.

Приложенные к письму документы разбора дела при Московском Городском Совете Профессиональных Союзов свидетельствуют, что вопрос о Кременецкой не только не был решен положительно, а наоборот, Секретной частью МГСПС предложено было впредь использовать ее на работе не по специальности и не в Московской области.

Другая проблема – методы проведение нового курса на модернизацию экономики страны. «Большой скачок» в ходе коллективизации стал следствием усиливавшегося давления сверху. Из Секретариата ЦК направлялись многочисленные инструкции в сельскохозяйственные районы. На местах создавались особые комиссии по коллективизации. Ускоренная коллективизация сопровождалась практикой раскулачивания, т.е. полной экспроприацией и часто выселением. Специальное постановление Секретариата ЦК от 29 июля 1929 г. «Об организационно-партийной работе в связи с новой хлебозаготовительной кампанией» упорядочивало чрезвычайные меры в деревне и определяло квоты сдачи зерна для деревень и индивидуальных хозяйств. Если учесть, что к «кулакам» на местах часто приравнивали зажиточных крестьян, умеющих вести хозяйство, то речь шла фактически о «мобилизации крестьянских средств» для решения проблем индустриализации.

Среди бумаг Н.К.Крупской сохранился секретный ответ Кашинского Райисполкома Московской области о деле жителя деревни Колотиловка Ханыгина Василия Михайловича: Ханыгин решением Комиссии при Кашинском РКК РКИ выслан из пределов Кашинского района с конфискацией имущества. Ему вменялось в вину систематическое невыполнение «твердых» сельскохозяйственных заданий. Кроме того, он обвинялся в том, что будучи «верхушкой деревни», он с 1917 г. был связан с «эсеровской организацией», ведущей агитацию против «проведения хозяйственно-политических кампаний», распространял «литературу за сохранение религии»¹². Вмешательство Крупской не способствовало перемене решения по делу Ханыгина,

но везде, где она получала возможность высказаться, она четко определяла свою позицию: «разоряем хозяйство кулака, задевая и хозяйства середняка и бедняка, и тем самым спутываем карты в классовой борьбе», «партия не умеет прислушиваться к голосу крестьянства»¹³.

Источники позволяют взглянуть также на проблему правового обоснования репрессивных мер. Сложная обстановка в деревне, противостоящая проведению «массовой коллективизации», требовала принятия строгих законов. В 1932 г. был принят закон «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплению общественной (социалистической) собственности, согласно которому хищение общественного имущества даже в незначительных размерах предусматривало наказание вплоть до расстрела. В дальнейшем «правовая база» репрессий все более расширялась. Были введены ссылка в отдаленные места членов семей осужденных или эмигрировавших, осуждение членов семей осужденных, меры ответственности за «шпионаж» и измену Родине.

В 1933 г. был создан орган контроля за соблюдением законности – Прокуратура СССР. Большая часть секретных ответов в адрес Крупской в ее архиве – именно из Прокуратуры СССР. Это узкие листки бумаги с сухим машинописным текстом:

«Прокуратура по надзору за ОГПУ сообщает, что Сарахов И.П., будучи директором Кубанской Опытной станции, провел несколько вредительских актов. Сарахов И.П. был членом к/р (контрреволюционной – Е.С.) организации на Кубани. О вышеизложенном сообщается только Вам, ибо семье ответа не дано. Помощник прокурора Верхсуда СССР Военной Прокуратуры Фадеев»¹⁴.

«Сообщаю, что Слепых Ефим Анисимович обвиняется в попытке передачи в Эстонскую Миссию сведений по шпионажу, причем Слепых должен был похитить из ЦК ВКП(б) список партработников, работающих по заданию партии за границей. В исполнении взятой на себя работы для Эстонской миссии, Слепых указал одному лицу, известному ему как ведущему разведывательную работу для Эстонии, о командировке за границу одного партийца. Прокуратура по надзору за ОГПУ, ознакомившись с делом, оснований к пересмотру такового не находит. Зам.прокурора Прусс»¹⁵.

«Облпрокуратура сообщает, что расследование по делу Толстых Ивана Михайловича и др. закончено. Толстых является одним из руководителей к/р организации земельных собственников. Привлечение их к ответственности Облпрокуратура считает правильным. Дело направлено в Коллегию ОГПУ. Прокурор ОГПУ ЦЧО (Центрально-черноземной области – Е.С.) Гуцен»¹⁶.

«Заявление о пересмотре дела Костюк Александра Степановича, осужденного тройкой ПП ОГПУ МО к лишению прав проживания в Центр.(альном) Округе), Областных), краевых, автономных республиках и п/округах с прикреплением к определенному месту жительства оставлено без последствий. Костюк до ареста работал агрономом, обвиняется в том, что состоял членом контрреволюционной организации и в совхозе проводил вредительскую подрывную работу. Виновным себя признал. Пом. Облпрокурора Глузман»¹⁷.

«Мособлпрокуратура считает, что мотивов для пересмотра дела Клепикова Сергея Васильевича нет, т.к. он осужден тройкой ПП ОГПУ МО к 3 годам исправтрудлагерей правильно.

Клепиков до революции и после занимался торговлей скотом, кроме того до революции занимался арендой садов. Обвиняется в том, что на протяжении ряда лет до ареста занимался спекуляцией скотом и мясом, что подтверждено его собственными показаниями. ...Пом. прокурора ПП.ОГПУ МО Яцковский»¹⁸.

«Сообщается, что Морозовский Семен обвиняется совместно с другими в том, что будучи реакционно-настроенным, систематически вел антисоветскую агитацию в контрреволюционных целях, каковая материалами следствия установлена. Поэтому Прокуратура по надзору за ОГПУ считает пересмотр его дела нецелесообразным»¹⁹.

Пересланная Крупской для повторного разбирательства жалоба Федоровой М. о пересмотре дела в отношении ее сына Федорова Михаила Гавриловича, осужденного Тройкой ПП ОГПУ МО к 3 годам исправительных трудовых лагерей также отклонена. Ответ гласит: «Федоров, сын белого офицера, 22 лет, член ВЛКСМ, с декабря 1931 г. учился на 1 курсе института Пушного Звероводства, обвиняется в том, что является участником к/р террористической группировки, ставившей себе целью совершение террористического акта над т. Сталиным, а также вел к/р агитацию среди учащихся»²⁰.

Надо заметить, что нередко вмешательство Крупской приносило осужденным и их семьям новые репрессии. В сопроводительных письмах к секретным ответам есть указания аппарату выяснить у адресата причину, заставившую его «засекречивать свое обращение к Крупской»²¹. К тому же система предусматривала возвращение жалобы в местные органы прокуратуры для рассмотрения. Так, Народный Комиссариат Юстиции РСФСР направил в Секретариат Н.К.Крупской копию распоряжения Прокурору Ленинградской области, которая гласила: «Препровождается при этом жалоба заключенных Новгородского домзака на издевательства администрации домзака над заключенными. Прокуратура Республики предлагает Вам срочно проверить своим аппаратом изложенные в заявлении факты, в случае подтверждения лиц виновных привлечь к суровой ответственности в уголовном порядке. О принятых Вами мерах сообщите с возвращением заявления в Прокуратуру Республики не позднее 20/1-33 г.»²².

Приведенные выше документы представляют собой отголоски идеологической борьбы в обществе 1930-гг. Тема эта очень серьезная и многомерная, требующая дальнейшего изучения. Хочется заметить, что Крупская в эти годы также много писала о Ленине и ленинизме, тем самым стремясь противодействовать нарушению законности в деревне: «Нет ничего глупее: как сама мысль о насилии в области хозяйственных отношений среднего крестьянина»²³.

Изучение архивных материалов и переписки Н.К.Крупской еще далеко не закончено. Но и сейчас ясно, что Надежда Константиновна даже в самые тяжелые годы не утратила искренности, честности и гуманизма. Она сохранила на всю жизнь коммунистические идеалы, ставя во главу угла просвещение масс и духовное и правовое развитие общества.

1. РГАСПИ. Ф.12 (Крупская Н.К.); ГАРФ. Ф.ДП; Архив Музея Политической истории России и др.
2. Крупская Н.К. Педагогические сочинения: В 10 т. Т.7. М., 1957. С.64.
3. Там же. С.85.
4. РГАСПИ. Ф.12. Оп.1. Д.832. Л.2.
5. РГАСПИ. Ф. 12. Оп.1. Д.828. Л.1-3.
6. Цит. по Куманев В.А., Куликова И.С. Противостояние: Крупская – Сталин. М., 1994. С.160.

7. Там же. С.208-214.
8. РГАСПИ. Ф.12.Оп.1.Д.24. Л.8.
9. Фондохранилище ГИЗ «Горки Ленинские». Коллекция музея «Кабинет и квартира В.И.Ленина в Кремле». Д.475/18. Копия телеграммы в адрес Н.К.Крупской М.Григорянц с просьбой ходатайствовать о помиловании ее мужа А.Григорянца, осужденного к расстрелу. Начало 1930-х гг.
10. Там же. Д.475/17. Л.1. Секретный ответ Отдела по надзору за органами ОГПУ по НВ Краю Управления НВ Край Прокуратуры по делу Поляковой Н.А. от 20 ноября 1932 г. в Секретариат Н.К.Крупской Наркомата Просвещения.
11. Там же. Д.475/20. Л.4-5. Письмо М.Кременцкой Н.К.Крупской. 8 марта 1933 г.
12. Там же. Д.475/38. Л.2. Выписка из протокола заседания Комиссии при Кашинском РКК РКИ по выселению кулацких хозяйств из пределов Кашинского района от 1 декабря 1932 г., направленная в Секретариат Н.К.Крупской.
13. Куманев В.А, Куликова И.С.Указ. соч. С.146.
14. Там же. Д.475/33. Л.3. Секретный ответ Отдела по надзору за ОГПУ при Прокуроре Верховного суда СССР по делу Сарахова И.П. от 21 января 1932 г. в Секретариат Н.К.Крупской Наркомата Просвещения.
15. Там же. Д.475/33. Л.5. Секретный ответ Прокурора Верховного суда СССР в Секретариат Н.К.Крупской о деле Слепых Е.А. от 2 ноября 1932 г.
16. Там же. Д.475/33. Л.6. Секретный ответ Отдела по надзору за ОГПУ при Прокуроре Карачаево-Черкесской области по делу Толстых И.М. от 2 июня 1933 в Секретариат Н.К.Крупской.
17. Там же. Д.475/33. Л.4. Секретный ответ Прокурора Московской области в Секретариат Н.К.Крупской по делу Костюка А.С. от 7 июня 1933 г.
18. Там же. Д.475/33. Л.15. Секретный ответ помощника прокурора ПП ОГПУ Московской области в Секретариат Н.К.Крупской по делу Клепикова С.В. от 26 июня 1933 г.
19. Там же. Д.475/12. Л.2. Секретный ответ заместителя прокурора ОГПУ по делу Морозовского С. в Секретариат Н.К.Крупской от 22 октября 1932 г.
20. Там же. Д.475/13. Л.1. Секретный ответ старшего помощника Мособлпрокурора в Секретариат Н.К.Крупской по делу Федорова М.Г. от 2 января 1932 г.

21. Там же. Д.475/15. Л.2.
22. Там же. Д.475/10. Л1. Ответ Народного Комиссариата Юстиции РСФСР в Секретариат Н.К.Крупской о жалобе заключенных Новгородского домзака от 23 декабря 1932 г.
23. Крупская Н.К. О Ленине. М., 1983. С.247-248.

**ОТЗЫВЫ ПОСЕТИТЕЛЕЙ
МУЗЕЯ «КАБИНЕТ И КВАРТИРА В.И.ЛЕНИНА В
КРЕМЛЕ»
КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ВЗГЛЯДОВ НА
ИСТОРИЮ**

История нашего музея, с одной стороны, достаточно продолжительна - почти 50 лет, с другой стороны, сам принцип функционирования музея в первые десятилетия оставлял мало возможностей для всеобъемлющей научной работы. И, несомненно, фонды музея при их детальном изучении принесут еще немало открытий.

Нами, старшими научными сотрудниками Л.И.Кунецкой и Л.Н.Косячковой, была сделана попытка проанализировать 18 томов книг отзывов, отражающих как историю музея, так и жизнь всей нашей страны.

В этой работе просматривается несколько аспектов, но мы сосредоточились на записях иностранных делегаций. Даже грубый подсчет дает следующие цифры: за 47 лет существования музея его посетило более 2 миллионов экскурсантов, из них около 700 тысяч иностранцев. По записям офицеров Командатуры здания Правительства и при проверке записей в книгах посетителей мы насчитали 136 стран, представители которых побывали в стенах музея.

Удручающим недостатком записей является то, что более половины из них не имеют переводов в силу разных причин, включая и недобросовестность сопровождавших делегации переводчиков и зачастую неимение времени, особенно при пребывании высоких правительственных делегаций, одновременно осматривающих все исторические памятники Кремля. Здесь все рассчитывалось по минутам. Записи на немецком, французском, английском языках могут быть переведены и сейчас при условии достаточно четкого почерка писавших. Это относится и к записям на болгарском, испанском, польском, чешском и других языках. И, думается, навсегда останутся нерасшифрованными многие записи на арабском, японском, китайском языках, а также на различных языках стран Африки, Азии, Океании.

Первая запись является своеобразным камертоном, определяющим чувства и мысли самых разных людей, различных поколений, партийной принадлежности, социального положения. Ее сделал 13 июля 1955 г. руководитель Коммунистической партии Вьетнама, президент страны - легендарный Хо-Ши-Мин: «Ленин - великий учитель пролетарской революции. Он - человек самой высокой морали, который учит нас трудолюбию, экономии, чистоте, прямоте. Вечно бессмертен Ленин». Прежде всего необходимо выделить записи тех, кто встречался с Лениным на заре века: У.Галлахер, Ф.Пинтос, О.Гриммlund, А.Запотоцкий, А.Р.Вильямс, А.Хаммер, Гюйсманс и многие другие. Отметим, что здесь нет славословий или формального преклонения. Нередко мы черпали в этих записях новые знания о Ленине, какие-то характерные нюансы его образа. Иногда две строки открывали целую эпоху, раскрывали взаимоотношения Ленина с коммунистами, социалистами, деловыми людьми разных стран, оживляли отдельные эпизоды, приближали события, казалось бы давно застывшие на страницах исторических архивов. Всего три примера. Кто из изучавших ленинизм не знает эпохальной работы Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме»? Все в нашей памяти приобрело особый оттенок, когда о спорах с Владимиром Ильичом рассказал сам «герой» книги Уильям Галлахер. Безо всякого самоуничижения, слепого преклонения перед Лениным, достойно, откровенно, с восхищением. Несколько строк в книге записей лишь яркий осколочек воспоминаний: «Мой визит на эту квартиру в 1960 году напоминает мне мой визит сюда в 1920 году, когда великий вождь сил, изменивших мир, сил, приведенных в движение Великой Октябрьской революцией, завершил лечение моей «детской болезнью» (У.Галлахер, президент компартии Великобритании).

Для нас, да и для потомков, бесценными документами останутся записи двух разных людей с двух континентов, таких как блестящий американский журналист, сподвижник Джона Рида, участник Октября Альберт Рис Вильямс и один из основателей компартии Швеции, одним из первых поставивших свою подпись под «Манифестом Коммунистического Интернационала к пролетариям всего мира», Отто Гриммlund.

Альберт Рис Вильямс рассказал о том, как встретился с Лениным в Кремле. Как истинный журналист, он оставил живую зарисовку в книге записей: «В этой приемной комнате (за-

ле заседаний) вместе с многими дипломатами и другими важными лицами я ожидал долгое время Ленина. Мы все удивлялись, какие важные люди находятся в кабинете Ленина, которые задержали его так долго. Каково же было наше удивление, когда, наконец вышел В.И. Ленин с двумя рязанскими крестьянами в лаптях. «Извините меня, - сказал он, - но я советовался с крестьянами о государственных делах. Какие они умные люди!» Это было 41 год тому назад, а казалось, что это было вчера (А.Р. Вильямс, американский публицист).

Отто Гриммlund, побывавший в музее 11 ноября 1963 г. был сдержан и как-то отстранен, но увидев свою подпись под Учредительным манифестом Коминтерна (ленинская подпись - вторая, Гриммлунда - пятая) не скрыл печали, сказав: «Из подписавшихся я один теперь остался в живых». И он не поспешил на запись, конечно понимая ее значение: «Я встречался несколько раз в апреле 1917 года с Лениным, когда он с группой русских эмигрантов переезжал из Германии в Россию. Я встречал их в Стокгольме по поручению левого крыла (с/д) партии. Позднее 1912-1919 гг. я был одним из основателей Коминтерна, а в 1920-23 гг. вместе с Лениным работал в Смольном, а потом в Москве. Я сейчас переживаю огромное волнение, когда после стольких лет я увидел вновь кабинет, где работал В. Ленин. Мир и Земля - это два великих слова, которые объявил впервые Ленин, и сейчас являются основными в великом развитии России» (Отто Гриммlund, один из основателей компартии Швеции).

Записи тех кто следовал ленинизму, отстаивал его идеи, защищал интересы народов своих стран, пронизывают все книги отзывов от первой до последней и говорят о стойкости, мужестве, оптимизме коммунистов разных стран - Эрика Хоннекера и Луиса Корвалана, Манолиса Глезоса и Жоржа Марше, Джоу-Энь-Лая и Иосипа Броз Тито, Рауля Кастро и многих других.

В 1963 г. музей посетил правнук Карла Маркса художник Фредерик Лонге, его запись эмоциональна и правдива: «Я был очень тронут посещением квартиры великого Ленина. К сожалению, великие люди так рано умирали. Может быть, потому, что они по своим идеалам и своим стремлениям всю свою жизнь и деятельность посвятили человечеству».

Может быть, стоит рассказать о длительном знакомстве Ленина с видным деятелем европейского социал-

демократического движения бельгийцем Камилом Гюйсмансом, членом Исполкома II Интернационала. Он прошел путь от простого депутата парламента Бельгии в 1910 г. до премьер-министра 1946 г. Он много боролся против Ленина и выдвигаемых им теоретических положений. Но, в отличии от многих врагов ленинизма, после победы Октября ставших заклятыми врагами молодого советского государства, Гюйсманс пересмотрел свои взгляды и не раз заявлял, что развитие международного рабочего движения, восстановление его единства невозможно без активного участия в нем КПСС.

Гюйсманс прибыл в Москву в сентябре 1955 г. во главе парламентской делегации Бельгии. Наш музей был открыт всего несколько месяцев, но Гюйсманс прежде всего решил прийти сюда. Он внимательно осматривал комнату за комнатой и сказал присутствующим: «Я хорошо знал Ленина, много раз виделся с ним, работал в Международном социалистическом бюро. Я переписывался с ним на протяжении многих лет и бережно сохранил его письма ко мне, хотя они не всегда характеризуют мои политические позиции с лучшей стороны». За несколькими строками в музейной книге огромная жизнь, полная борьбы: «С волнением я осмотрел квартиру Ленина. Я его хорошо знал. Я его часто посещал. Он знал, чего он хотел. 26.09.55. Секретарь II Интернационала с 1905 по 1921 год Глава Бельгийской парламентской делегации К.Гюйсманс».

И совсем другая история, связанная с той же Голландией. Еще в 1913 г. перед началом мировой войны молодой цветовод Теодор Лефебр привез для петербургских садов и парков роскошные тюльпаны. Покидая Россию в разгар революции, Лефебр думал, что нашей стране уже никогда не понадобятся цветы, но, восхищаясь нашей победой, мужеством советского народа, уже 1946 г. он предложил сотрудничество нашим цветоводам. При очередной приезде в Москву, посетив «Кабинет и квартиру В.И.Ленина в Кремле», он писал: «Мне и моему сыну Карлу была оказана большая честь быть приглашенным в это историческое место. Мы очень благодарны. Мы желаем всему русскому народу, среди которого у нас есть очень хорошие друзья, большого будущего. Лефебр и сын. Голландия. Лиссе». А к 100-летию со дня рождения Ленина Лефебр привез и высадил у памятника Владимиру Ильичу огромные алые тюльпаны, которые так и назвал - «Ленин».

Целая череда записей ярко свидетельствует о международных связях СССР. Президенты, главы правительств, царствующие особы, парламентарии оставили записи в книге почетных посетителей, как свидетельства уважения не только к создателю нашей партии и государства, но и самому этому государству. Хочется выделить две записи, разделенные десятками лет, сделанные разными представителями одной страны - Финляндии. Это премьер-министр Фагерхольм (3 февраля 1957 г.) и президент М.Койвисто (13 марта 1982 г.).

«Финны чтут память Ленина; он признал независимость Финляндии» (премьер-министр Фагерхольм).

«Память о В.И.Ленине живет в сердцах финнов из поколения в поколение (в веках!)» (президент М.Койвисто).

О той огромной роли, которую сыграла наша страна в обретении независимости большим числом азиатских и африканских государств, говорят те слова благодарности, под которыми стоят подписи руководителей:

1. Индии - президент Дж.Неру, позднее его дочь Индира как премьер-министр;
2. Камбоджи - принц Народом Сианук;
3. Цейлона - президент Сиримаво Бандаранаике;
4. Индонезии - президент Сукарно;
5. Египта - президент Г.А.Насер, королевы Буркина-Фасо.

История борьбы за независимость Афганистана отражена на страницах книги отзывов музея, начиная от первого посла Афганистана Муххамеда хан Яфтали и кончая руководителем свободного Афганистана.

«С глубоким волнением впервые посетил музей «Кабинет и квартира В.И.Ленина в Кремле». В этом памятном для всех месте в скромных условиях жил величайший человек истории, который изменил лицо мира. От имени трудового народа революционного Афганистана и его партии НДПА, которая следуя по пути начертанному этим выдающимся человеком, стремится стать подлинно ленинской партией и борется за осуществление великих идей Ленина в нашей стране, выражаю чувства глубокого уважения и наилучших пожеланий советскому народу и трудящимся всего мира» (Бабрак Кармаль,

Афганистан) Долгие годы лекторы музея рассказывали посетителям о встрече с видным политическим деятелем Ирана - господином Саяхом, который был на приеме у Ленина в 1920 г. Он откровенно плакал и на прекрасном русском языке сказал: «Я не

стыжусь своих слез, ведь те 15 минут, что я провел в этом кабинете у Ленина, я считаю самыми счастливыми в моей жизни». К великому сожалению, никто теперь не отыщет эту запись, так как она сделана на языке фарси и не переведена.

Президент Индии Раджипура Прасад 21 июня 1960 г. (он пробыл в музее больше часа, особое внимание обратив на книги об Индии, ее борьбе за освобождение от колониального ига), писал: «Мне выпало счастье видеть это всем известное место. Это я считаю большим счастьем. Я могу себе представить, какое вдохновение получает каждый гражданин посещая этот музей. Я тоже получил большое вдохновение».

О связи времен, о роли Ленина, СССР говорят многочисленные записи китайских, монгольских делегаций. Все перипетии международной жизни неизменно отражались и на жизни нашего музея. Записи югославских делегаций появились лишь после приезда Иосипа Броз Тито, восстановившего межгосударственные связи. Китайские имена, на долгие годы после культурной революции исчезнувшие из книг, теперь появляются вновь. Мелькают названия стран, которых не было на картах мира, но которые утвердили свой статус независимых государств. Музей - живой организм и всегда отражал жизнь всего нашего народа. Сказанное - это капля в море. В будущем, думаю, историки не раз будут обращаться к страницам этой многотомной книги. За нами классификация записей, сделанных нашими советскими посетителями, ведь в них история партийных съездов, празднования юбилеев образования СССР, успехи космонавтики и многое другое.

В заключение приведем запись академика Шевелухи, члена ЦК КПРФ - в ней наша надежда и уверенность, что дело Ленина все-таки восторжествует.

«Ленин - это не только и не столько история, сколько будущее. Сохраняйте все, что связано с его именем для будущих поколений. «Демократы» оказались в ловушке истории и попытались разрушить веру, память и любовь человеческую к Ильичу. Попытка не удалась. Но им «демократам» не дано это понять. Когда поймут, это уже будет новый виток истории» (член ЦК КПРФ, академик В.Шевелуха, депутат Государственной Думы, 20 апреля 1996 г.).

Получая в августе 1959 г. Международную Ленинскую премию Мира, общественный деятель Греции Костас Варналис сказал: «Русская история богата великими именами, столь ве-

ликими, что даже одного из них было бы достаточно, чтобы прославить самую славную нацию на земле. Но я осмелюсь назвать одно только имя. Это имя всегда на устах и в сердцах сотен миллионов людей. Это имя Ленина, гениальнейшего народного вождя, стоящего на вершине всемирной истории. Он бесповоротно изменил ход развития мира к лучшему. И если сегодня за ним идет половина человечества, то не далек тот день, когда в силу исторической необходимости за ним пойдет и вторая половина» («Правда», 1959, 20 августа).

Приложение.

**Список государств,
представители которых посетили
музей
«Кабинет и квартира В.И.Ленина в
Кремле»
в период с 1955 по 2002 гг.**

1. Австрия
2. Австралия
3. Албания
4. Алжир
5. Ангола
6. Аргентина
7. Афганистан
8. Бангладеш
9. Бахрейн
10. Бельгия
11. Бенин
12. Бирма
13. Болгария
14. Боливия
15. Бразилия
16. Бурунди
17. Буркина-Фасо
18. Бутан
19. Великобритания
20. Венгрия
21. Венесуэла
22. Вьетнам
23. Габон
24. Гаити
25. Гайяна
26. Гана
27. Гватемала
28. Гваделупа
29. Гвинея
30. Гвинея-Биссау
31. ГДР
32. Голландия
33. Гондурас
34. Гренада
35. Греция
36. Дания
37. Джибути
38. Египет
39. Зеленый Мыс
40. Заир
41. Замбия
42. Занзибар
43. Израиль
44. Индия
45. Индонезия
46. Иордания
47. Ирак
48. Иран
49. Ирландия
50. Исландия
51. Испания
52. Италия
53. Йемен
54. Южный Йемен
55. Камбоджа
56. Камерун
57. Канада
58. Кипр
59. Китай
60. Колумбия
61. Конго
62. Корея
63. Коста-Рика
64. Куба
65. Кувейт
66. Лаос
67. Лесото
68. Либерия
69. Ливан
70. Ливия
71. Люксембург
72. Мадагаскар
73. Македония
74. Мали
75. Мальта
76. Мартиника
77. Мексика
78. Мозамбик
79. Монголия
80. Намибия
81. Непал
82. Нигерия

83. Нидерланды
84. Никарагуа
85. Новая Зеландия
86. Норвегия
87. ОАР
88. Пакистан
89. Палестина
90. Панама
91. Парагвай
92. Пемба
93. Перу
94. Польша
95. Португалия
96. Руанда
97. Румыния
98. Сан-Марино
99. Сан-Томе
100. Саудовская Аравия
101. Сейшельские острова
102. Сенегал
103. Сингапур
104. Сирия
105. Словакия
106. Сомали
107. США
108. Судан
109. Сьерра-Леоне
110. Танзания
111. Того
112. Тонга
113. Тунис
114. Турция
115. Уганда
116. Уругвай
117. Филиппины
118. Фламандия
119. Франция
120. ФРГ
121. Хорватия
122. Цейлон
123. Чад
124. Чехословакия
125. Чили
126. Швеция
127. Швейцария
128. Шотландия
129. Шри-Ланка
130. Эквадор
131. Эфиопия
132. Югославия
133. Ямайка
134. Япония
135. Организация Объединенных Наций

НЕИЗВЕСТНАЯ НАХОДКА. ДЕТСКИЙ РУКОПИСНЫЙ
ЖУРНАЛ «НАША МЫСЛЬ» - ПОДАРОК СЕМЬЕ
УЛЬЯНОВЫХ

В последнее время в отечественной историографии появилось новое понятие - «история повседневности». Действительно, изучение истории России в течение десятилетий ограничивалось определением общих направлений развития страны, революционного движения, истории классов, этапов развития направлений промышленности, сельского хозяйства, культуры, изучением жизни и деятельности известных исторических личностей. Но этим не ограничивается само изучение исторического процесса. За пределами интересов историков часто остается жизнь и быт, чаяния и переживания частного человека, который живет в условиях той или иной эпохи.

Когда мы, работая в условиях постоянно действующей экспозиции из коллекции музея «Кабинет и квартира В.И.Ленина в Кремле», беседуем с посетителем о советском периоде жизни России, приходится говорить и о повседневной жизни гражданина страны Советов. Материалы, имеющиеся в нашем архиве, позволяют нам это делать.

Одной из тем является народное образование и деятельность Н.К.Крупской. Между тем, часто возникают вопросы о том, как жила трудовая школа в первые годы Советской власти и как именно складывалась жизнь учителей и учащихся.

Среди архивных материалов музея были обнаружены два рукописных журнала «Наша мысль» за 1925 г., полученные Надеждой Константиновной Крупской от воспитанников отделения для подростков при школе взрослых повышенного типа им. тов. Калинина при Донецкой государственной табачной фабрике (ДГТФ) г. Ростова.

В одном из журналов авторы посвятили истории своей школы несколько страниц. Как оказалось, при открытии в 1922 г. в нее поступило 35 подростков, а в 1923 г. в ней состояло 125 подростков. На 15 марта 1925 г. в школе уже обучалось 425 учащихся в возрасте от 12 до 17 лет. Из 8 групп в школе одна подготовительная с двумя параллелями и количеством учащихся в 160 человек. Целью подготовительного отделения была ликвидация неграмотности и малограмотности среди под-

ростков, которые не могли по возрасту попасть в обычную школу. Чтобы выравнять их развитие и укрепить навыки в чтении, письме, счете, устной речи, на этом отделении обучение проводилось «на комплексах: «наш город», «наша школа», «наша фабрика». Предполагалось, что вся программа трудовых школ укладывалась в шесть лет с седьмым подготовительным годом.

После подготовительного отделения следовал этап «двухгодичной школы» на основе программы ГУСа для 1 ступени, где учащихся обучали по темам: «человек», «город и деревня», «наш край».

Старшие группы этой ступени затем приступали к обучению по 2 ступени, которая включала в себя элементы трудовой школы. На этапе 1925 г. развитие школы было именно таковым, но в перспективе планировалась еще одна дополнительная ступень трудового воспитания. Педагоги считали: «Задачи школы, как они определялись самой жизнью, дать общественно-политическое воспитание на почве общеобразовательного материала для подростков, по тем и иным причинам не попавших в обычную школу».

Журналы этой школы, сохранившиеся в личном архиве Н.К.Крупской, представляют собой рукописные издания, состоящие из линованных листов, сшитых от руки нитками. Их обложки красочно оформлены самими учащимися. На одной из них изображена их школа, представляющая двухэтажное здание, обсаженное деревьями. В нижней части обложки - вид на Кремль с набережной Москвы-реки. На обложке другого журнала помещены портреты Н.К.Крупской, К.Цеткин, А.Коллонтай.

Другая акварель представляет собой натюрморт: письменный стол со стоящим на нем бюстом В.И.Ленина, на столе - стопки книг и журналов, глобус, географическая карта, принадлежности для письма. На переднем плане - серп и молот, лежащие на колосьях пшеницы. Название журнала «Наша мысль» помещено на фоне индустриального пейзажа.

Журналы содержат интересную и подробную информацию о жизни школы подростков, снабжены рисунками акварелью и тушью, выполненными самими детьми. Они же являются и авторами публикаций. Написанные разными почерками, отражающие характер юного корреспондента уже самим выбором темы рассказа или сообщения, эти детские статьи, в целом, рисуют подлинный мир, в котором жил ребенок середины 1920-х

гг. Мы начинаем понимать его интересы, его духовные ценности. На страницах журнала дети делятся друг с другом своими впечатлениями о школьных делах, об увиденном на экскурсиях, сообщают сюжеты прочитанных книг.

Занятия в школе начинались в 5.15 вечера и продолжались 55 минут, с 5-ти минутной переменной между ними. Вот как описывают сами ученики жизнь своей школы: «Уроки проходят живо и интересно. Наши преподаватели сумели возбудить у учеников любовь и интерес к занятиям». Кроме уроков в школе проводилась общественная работа, имелся ряд кружков. Состоялось открытие клуба, которому присвоили имя М.И.Ульяновой.

При том, что в школе между учениками и преподавателями существовала дружественная и теплая обстановка и «широко было развито самоуправление и самообразование» учащихся, в то же время там были и иные структуры. Корреспондент сообщает: «Имеется старостат и методическая тройка, которые следят за успехами учеников». То есть, контроль за успеваемостью осуществлялся и самими учащимися.

Дети с искренностью, добротой, уважением отзываются о преподавателях: «Все буквально заслушали Николая Дмитриевича, и действительно он говорит удивительно хорошо, не только по тому, что преподает уже много лет, но и потому, что это его любимое дело и ученики чувствуют это». Рассказывая о учителе, дети применяют выражения: «интересно и понятно», «простое ясное объяснение», «отношения в школе близкие, дружеские», «добрые глаза преподавателя». Все эти выражения очень много говорят об отношениях учеников и преподавателей, об обстановке в школе в целом.

Дружеская атмосфера школы в первую очередь была особенно важна для работающих ребят. Большинство подростков работали на заводе о чем тоже пишут в своем журнале юные корреспонденты. Они подчеркивают, насколько удобнее им стало совмещать работу на фабрике или заводе с обучением в школе, чем это было до революции и во время империалистической войны 1914 г. «В настоящее время рабочие подростки находятся совсем в других условиях. Работают они вместо 10-12 часов, 6-4 часа. Обучаются в фабрично-заводских школах, в бригадах и индивидуально».

Конечно, не все было легко и просто у работающих учеников. Слишком много обязанностей существовало у них поми-

мо школы: дел, которые нельзя отложить. перенести на завтра. Иногда на подготовку к занятиям совершенно не оставалось времени, что очень затрудняло восприятие материала: «Покончив с делами... с лихорадочной быстротой собираю книги... и бегу в школу. Там со всех сторон сыпятся неудачи: А.П. совсем убил амплитудой колебания. Радикалы являются, вероятно, самым «радикальным» средством для временного умопомешательства, а тут еще как назло чудная погода, так и тянет на улицу. Но только подумаешь о погоде, как встают грозные призраки радикалов, интернационалов, резонаторов и прочее. А все-таки настроение хорошее и зачеты проходят весело и оживленно». Вот так с юмором, и в тоже время оптимистично, писали о жизни и учебе сами ученики в свой журнал.

Некоторые из учеников пришли в школу из колоний. Об одной из них имеется публикация в журнале. Это статья о воспитании беспризорников в детской колонии Мартынова. В ней рассказывается об особенностях взглядов организатора колонии Мартынова и тех условиях, которые он создал для эффективно-го перевоспитания малолетних преступников.

Условия были непростые, не все дети могли справиться с трудностями. «Мартынов главное воспитательное значение придавал труду, - сообщалось в ней. - Поэтому он отбирал в свою колонию физически сильных детей, способных перенести тяжелую работу. На их испорченность он не обращал внимания. Был уверен, что это только случайный налет, от которого дети со временем освободятся». Мартынов категорически отвергал семью. По его мнению, она только приучала к сентиментальности и мешала общественной работе. В то же время отмечается, что «попадая в колонию, дети впервые видели ласку и учились ценить и понимать ее».

«Мартыновская» система приносила свои плоды, которые автор статьи расценивает как положительные: «Все нравственные дефекты сглаживались, и под влиянием Мартынова, постепенно исчезали. Вместо этого в детях, благодаря совместной жизни и труду, развивался дух коллективизма». Отсюда делается вывод, что «нужен был именно «Мартыновский» подход, чтобы из этих подонков общества» создать стойкие и честные натуры».

Один из журналов был выпущен к дню рождения Н.К.Крупской. Даже на титульном листе обозначено, что он «посвящается дорогому шефу нашей школы Надежде Констан-

тиновне Крупской». Журнал начинается статьей о Крупской, разумеется, приближенной к детскому восприятию, изобилует стихами о Ленине, государстве.

Не оставались равнодушными юные корреспонденты и к историческим событиям мирового значения. Пример тому статья «Организационная слабость в дни Парижской Коммуны». После краткого описания событий 1871 г., произошедших во Франции, юный автор статьи делает вывод: «Недолго существовала коммуна. Много у нее было защитников, но неорганизованных, не было у них боевой политической партии пролетариата, которая бы управляла борьбой и строительством коммуны».

В журнале нашли отражение памятные даты и новые традиции. Статья под названием «День работниц» рассказывает о торжественном праздновании Международного женского дня 8 марта. В ней красочно описывается обстановка проведения праздника. Это даже скорее статья-призыв, нежели простое повествование. Заканчивается она словами: «Так сделаем же так, чтобы женщины всего мира стали такими же счастливыми, как женщины СССР».

Изучение жизни страны, расширение кругозора детей было заложено в планах школы. Яркий пример тому - описанные самими детьми их экскурсии в Кайсуг и Азов. Возможно, что данные статьи - это наиболее удачные сочинения, написанные в классе после этого мероприятия. В этих подробных сочинениях описывается вся экскурсия до мелочей. Начиная с момента встречи на вокзале, стоимости билета, времени поездки и заканчивая описанием того, что ели, куда ходили, на чем спали, какие пьесы ставили, вплоть до приезда, а некоторые - прихода домой (на билеты денег всем не хватило, пришлось идти пешком).

Экскурсии имели несколько целей: показ постановок драмкружка, а также познакомиться с жизнью и проблемами села. Один из участников поездки рассказывал: «Меня послали узнать, где производят перепись о продналоге... В избе за столом сидели мужики и несколько агентов. Они спрашивали имя, фамилию, сколько скота, сколько едаков, сколько десятин земли и чем она засеяна, сколько работников и каких лет».

Из подробного детского описания событий, мы получаем живое представление о том, как производилось в селах перепись о продналоге, и в каком состоянии в 30-е гг. находилось

крестьянское хозяйство в Ростовской области на примере конкретного села Кайсуг: «Один старик отвечал: «скота у нас одна пара волов, да одна лошадь, едаков шестеро, засеяны шесть десятин: полдесятины подсолнухов, полдесятины початками, две десятины озимыми и житом и три десятины пшеницей. Работников, как видите, один я, а лет мне 65».

Интересно, что дети, сами живущие далеко не в самых лучших условиях, отмечали и сочувственно описывали жизнь нуждающихся крестьян. Сразу видно что их глубоко трогала нужда, испытываемая этими людьми: «Изба была бедная, обстановки никакой не было. Хозяин, видно было, действительно нуждается». Сочинения сопровождают рисунки. Здесь и мельница по дороге из Батайска в Кайсуг, и школа, в которой жили юные артисты, вид на реку.

Экскурсия в Азов, описываемая далее, это событие, происходившее с остальными детьми, которые не уехали домой, остались в Кайсуге. Поражает упорство молодых людей. Ведь это не было жизненно необходимым, просто познание нового, незнакомого. Они прошли 27 верст за пять часов, без привала, осмотрели город, сделали зарисовки и в полдень двинулись обратно. В журнале кроме множества выполненных карандашом и красками зарисовок есть и одна фотография. На ней герои шестидесятиверстного перехода. Их пять человек. Четыре ученика и учитель. Рядом их впечатления, выраженные в рисунках: «Село Кулешовка, по дороге из Кайсуга в Азов», «Крепостные ворота старой турецкой крепости», «Турецкий пороховой погреб».

Скорее всего, журнал «Наша мысль» - издание периодическое. В одном из его номеров среди статей публикуется отрывок из рассказа З.Николаевой «Маленький Биль», наверняка, продолжающийся в следующих номерах, так как в конце отрывка указано: «продолжение следует».

Есть еще «Сон Джонни» неизвестного автора. Это фантазия, нарисованная детским воображением. Через оба рассказа проходит вера детей в светлое будущее. С особым чувством описывается счастливый случай, произошедший с Билем и Джонни, кардинально изменивший жизнь каждого. Разница только в том, что в случае с Билем автор подарил ему неожиданную встречу с человеком, обещавшим изменить всю его жизнь в лучшую сторону: «Лицо Биля горело ярким румянцем и глаза лихорадочно блестели. Никогда, за всю свою жизнь, он

не слышал ничего подобного. Перед его глазами как будто открылся новый мир». Что же касается Джонни, все его мечты о счастье и семье оказались сном, от которого он вернулся все к той же мрачной, безрадостной действительности.

В заключение хочется заметить, что подобные источники показывают, насколько остро стояла проблема просвещения и элементарного воспитания широких масс населения. Работа, начатая Советской властью в этом направлении, действительно была необходима и государству, столкнувшемуся с подавляющей неграмотностью населения, и самим трудящимся массам, вовлекаемым в социалистическое строительство.

**БОЕВОЙ ПУТЬ 212 СТРЕЛКОВОГО ПОЛКА ПОД
ЗНАМЕНОМ ВЦИК В СОСТАВЕ 24 СТРЕЛКОВОЙ
ЖЕЛЕЗНОЙ ДИВИЗИИ**

Достойное место в экспозиции музея Политической истории России в зале Гражданской войны занимает муляж знамени 212 стрелкового полка. И каждый раз проходя мимо него с экскурсантами, возникало желание подробнее узнать об истории этого знамени, истории полка, дивизии. Серьезным подспорьем в поиске материала послужила работа полковника И.Н.Павлова «Они прославили Железную дивизию», изданная в 1998 г.

В огне начавшейся гражданской войны и интервенции закладывался фундамент Красной Армии. Вслед за принятием декрета «об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии» с конца января 1918 г. в Москве и других городах началось создание ее частей.

В начале марта решением Центральной военной коллегии по формированию частей Красной Армии в Замоскворецком районе столицы на базе 55-го запасного полка, перешедшего на сторону революции в октябре 1917 г. под влиянием рабочих-большевиков завода Михельсона, был создан отряд особого назначения. Вскоре в Александровских казармах началось развертывание его в 3-й Московский советский пехотный полк.

В своей книге полковник И.Н.Павлов упоминает приказ военкома Замоскворечья Иосифа Викентьевича Косиора (1893-1937 гг.): «В субботу, 11 мая 1918 г. войсковым частям Замоскворецкого района надлежит принести социалистическую клятву верности революции и Советской власти. Местом для принесения клятвы является здание завода Михельсона, куда войсковым частям следует прибыть в 1 час 30 минут дня. Назначаются официальным представителем от Замоскворецкого района товарищ Блохин и руководителем церемониала командир 4-го полка товарищ Рачицкий»¹. Среди принимавших присягу были и бойцы 3-го Московского революционного советского полка. Здесь же присутствовал и В.И.Ленин.

Вскоре 3-й Московский полк был передислоцирован в Курск, где вошел в состав Курской пехотной бригады. В эти дни в западных и центральных районах России продолжалось формирование именных полков и бригад. В Витебске – Витеб-

ский; в Курске – Курский; в Орле – Орловский, которым было суждено сражаться с врагом в составе Железной дивизии.

В начале июня 1918 г. основные события гражданской войны развернулись в Среднем Поволжье, где начался мятеж чехословацкого корпуса. Красные войска были объединены в Восточный фронт. Его 1-я армия вела бои на Симбирском направлении. 27 июля эти отряды были преобразованы соответственно в 1-й, 2-й Симбирские полки 1-й Симбирской пехотной дивизии.

Через несколько дней в торжественной обстановке 3-му Московскому полку было вручено Красное знамя. На полковом собрании бойцы постановили назвать полк именем Ленина, но решение не было оформлено официально. Несмотря на это, бойцы в течение всей гражданской войны в знак особого уважения и горячей любви к В.И.Ленину считали свой полк Ленинским².

В августе 3-й полк (командир В.Гурский, комиссар Н.Резчиков), участвовавший в тяжелых боях в районе Майны, был включен в постоянный состав 1-й Симбирской пехотной дивизии под командованием Г.Д.Гая. (Образована дивизия 27 июля 1918 г., приказ № 26 РВС 1-й армии.) Наименование дивизии заранее отражало его боевое предназначение – освобождение от белогвардейцев города В.И.Ленина - Симбирска.

«Наши неудачи на Волге и Урале создают тягчайшее положение для революции, – пишет Троцкий командующему 1-й армии Тухачевскому. Еще неделя пассивности и отступлений, - и немцы начнут наступать на Москву и Петроград. Мы окажемся меж двух жерновов – вопрос жизни и смерти для революции. Сил у нас достаточно для победы. Нужна воля к победе. Соберите партийные элементы, разъясните им положение и ударьте на врага.

Вы обязаны победить.

Ваш Троцкий»³.

7 августа, выполняя директиву фронта, Н.М.Тухачевский потребовал от Г.Д.Гая развить наступление с целью овладеть Симбирском. 9 августа 1918 г. Реввоенсовет 1-й армии подписал приказ, в котором говорилось: «... за мужественное наступление на Симбирск, что особенно проявилось в сражении под деревней Тетюшское, селом Поповка и станцией Охотничья, впредь именоваться Симбирской Железной дивизией»⁴. Но при-

каз Реввоенсовета Республики об этом был подписан только 25 октября 1921 г.⁵

В связи с покушением 30 августа 1918 г. на жизнь В.И.Ленина в полках дивизии родился призыв: «За одну рану Ильича – освободить его родной город Симбирск, за вторую – Самару».

Штурм г.Симбирска начался в 9 ч. 30 мин. 12 сентября. Главный удар наносили с юга 1-й и 2-й симбирские полки. С запада наступал 3-й Московский полк и т.д. «Подразделения, первыми ворвавшиеся в город, освободили из тюрем около 1500 человек. Многие из них присоединились к частям и уже были в цепи атакующих на старом Венце (старый Венец – место в городе, где располагалась тюрьма. Здесь же проходила улица Стрелецкая, в конце которой во флигеле единственного каменного дома в 1870 г. родился В.И.Ульянов-Ленин), обстреливая белых, отступавших в панике на левый берег Волги. В 12 ч. 30 мин. 12 сентября Симбирск был освобожден. Дивизия захватила около 1 тыс. пленных, 3 самолета, 10 орудий»⁶.

Вечером 12 сентября на центральной площади Симбирска, состоялся митинг бойцов 1-й армии. Здесь была принята телеграмма В.И.Ленину. «Дорогой Владимир Ильич! Взятие Вашего родного города – это ответ на Вашу одну рану, а за вторую будет Самара!»⁷. В ответ В.И.Ленин телеграфировал Пензенскому губисполкому и Реввоенсовету 1-й армии для красноармейцев и командиров 1-й армии: «Взятие Симбирска – моего родного города – есть самая целебная, самая лучшая повязка на мои раны. Я чувствую небывалый прилив бодрости и сил. Поздравляю красноармейцев с победой и от имени всех трудящихся благодарю за все их жертвы. Ленин»⁸.

Красноармейцы 5-й роты 3-го Московского полка написали письмо В.И.Ленину: «Мы чувствуем твою физическую и душевную боль, мы знаем, что раны твои лечат... товарищи врачи-коммунисты, ... а душу твою будем лечить мы, красноармейцы: мы знаем какие ей нужны лекарства. Первое лекарство – уничтожение буржуазии; второе лекарство – уничтожение белой гвардии; третье лекарство – сокрушение всех банд...; четвертое... - продолжить начатое дело до конца... Желаем тебе... скорейшего выздоровления, дорогой наш товарищ»⁹. Главным условием перелома, и это подчеркивал Ленин, была мобилизация на Восточный фронт рабочих Москвы, Петрограда, Иваново-Вознесенска.

В день завершения Симбирской операции 1-я сводная Симбирская Железная пехотная дивизия первой среди всех дивизий была награждена почетным революционным Красным знаменем, учрежденным ВЦИК летом 1918 г., и первой в Красной Армии стала Краснознаменной. Вручение состоялось 28 сентября 1918 г. в Симбирске. Но сам факт награждения дивизии почетным революционным Красным знаменем был подтвержден только приказом Реввоенсовета Республики от 11.05.1922 г.

К этому времени назрела боевая операция по освобождению Самары и Сызрани. Для участия в Самаро-Сызранской операции выделялись из 1-й армии – Железная дивизия Г.Д.Гая, из 4-й армии – 1-я Николаевская дивизия С.П.Захарова.

«Дивизия эта, - писал Б.А.Кобозев, член Реввоенсоветов Республики и Восточного фронта в газете «Известия ВЦИК», - без всяких преувеличений, представляла по внешнему облику полное подобие армии Степана Разина и Пугачева. Ни намек на обмундирование – высокие шапки с красными лентами вроде хохляцкого чуба. Самые разнообразные одеяния.

Начиная с Николаевска тянутся бесконечные обозы, и так на расстоянии целых 120 верст... К Самаре везут снаряды, боевое питание и пр., в обратном направлении – раненых, пустые подводы и прочее. Продвижение все время происходит с боем, местность равнинная, поэтому в боях проявляется чрезвычайное ожесточение с обеих сторон...» и т.д. Как только поступило донесение о крупном успехе Г.Д.Гая Кобозев 4 октября в 16.00 телеграфировал главкому И.И.Вацетису в Арзамас: «Поздравляю с взятием Сызрани усилиями Железной дивизии Гая, снова выдержавшего в точности не только план наступления, но и срок, обещанный им мне в Симбирске при вручении Красного почетного знамени»¹⁰.

В ноябре 1918 г. решением РВСР была установлена нумерация дивизий вместо именных. В связи с этим 1-я Симбирская стала 24 стрелковой дивизией. Ее 1, 2, 3 бригады соответственно стали 70, 71, 72 бригадами. Полки получили новые номера. 3-й Московский полк стал 212 стрелковым полком.

В марте 1919 г. центр Восточного фронта Красной Армии был прорван. Преодолев героическое сопротивление красных бойцов, Колчак шел на соединение с Деникиным, наступавшим с юга. В те дни Колчак в одном из писем сетовал на то, что на

его фронте было сделано все, чтобы создать у него большевизм и разложить армию.

Но старались не только большевики-агитаторы. Политика насилия, грабежа и мародерства по отношению к местному населению быстро сокращала число сторонников белого движения.

Деникин вспоминал: «Конечно, посылать обмундирование казакам не стоит, они десять раз уже переоделись. Возвращается казак с похода нагруженный так, что ни его, ни его лошади не видать. А на другой день идет в поход опять в одной рваной черкеске»¹¹.

Епископ Уфимский Андрей возмущался грабительскими действиями военных против сельских жителей при отступлении из Златоустовского уезда и констатировал: «Кто теперь эти (ограбленные) крестьяне? Они – большевики»¹².

В ходе Златоустовской операции 24-я дивизия, наступая через горы Южного Урала, при поддержке местного населения

4 июля заняла Белорецкий;

5 июля заняла Тирлянский;

9 июля заняла Юрюзанский заводы.

«Тактические особенности гражданской войны, когда на широком фронте действовали сравнительно небольшие массы войск, когда бои распались на отдельные очаги и велись главным образом силой полка, при отсутствии надлежавшей связи и других технических средств, при огромной маневренности частей, требовали от командиров, комиссаров и бойцов большой самостоятельности, инициативы, смелости в принятии решений в своих действиях»¹³.

Поэтому неудивительно, что семь полков Железной дивизии (и 212 полк в том числе) были отмечены командованием.

За успешные действия по разгрому войск Колчака на Южном Урале 9 июля был подписан приказ РВС Республики № 126 о награждении 208, 209, 211, 212, 213, 214, 215 стрелковых полков Почётными революционными Красными знаменами. В приказе подводились итоги боевых действий этих полков со дня их формирования, и указывалось, что «ныне, в июне сего года, во время Уфимской операции эти полки, форсировав реку Белую в районе Архангельска, несмотря на упорное сопротивление, преследовали 1 Приволжский корпус генерала Капелля, разбив Казанскую и Самарскую его дивизии, взяв при этом много пленных и военной добычи»¹⁴.

Учитывая необходимость более оперативно отмечать воинские части, отличившиеся в боях, ВЦИК в октябре 1918 г. предоставил право награждения Почетным революционным Красным знаменем РСФСР Республики. Первоначально единого образца Почетного революционного Красного знамени не было, но на каждом из них обязательно была надпись: «От ВЦИК» и Красная звезда с изображением в центре плуга и молота.

Утвержденная решением 5-го Всероссийского съезда Советов (июль 1918 г.) Красная звезда символизировала революционную борьбу трудящихся за освобождение «...от голода..., войны, нищеты и рабства, являлась символом «рабоче-крестьянской Советской власти», защитницы бедноты и равенства всех трудящихся»¹⁵.

Пять лучей Красной звезды означали интернациональную солидарность трудящихся 5 частей света, а плуг и молот – союз рабочего класса и трудового крестьянства.

Приказом РСФСР от 13 апреля 1922 г. изображение плуга и молота было заменено эмблемой «серп и молот». Приказом РСФСР от 11 июля 1922 г. форма Красной звезды была изменена¹⁶.

Приказом от 17 мая 1920 г. РСФСР был принят единый образец Почетного революционного Красного знамени. В дальнейшем Почетным революционным Красным знаменем были награждены свыше 40 дивизий, свыше 250 частей и военно-учебных заведений, а также пролетариат Петрограда, Оренбурга и города Царицын.

С конца 1920 г. 24-я стрелковая Железная дивизия в составе Киевского Военного округа дислоцировалась в районе Держня, Жмеринка, Гайсин.

В 1921 г. в связи с проведением организационных мероприятий 216-й им. В.И.Ленина и 212-й Московский полки были слиты в один, который стал называться 212-м Московским им. товарища Ленина стрелковым полком, а 15 января 1922 г. на общем собрании личного состава было принято постановление об избрании В.И.Ленина почетным красноармейцем. Событие того дня описала О.Т.Воронова в своей книге «Ленин почетный красноармеец».

Выписка

из протокола № 1 общего собрания личного состава 212-го Московского им. В.И.Ленина полка от 15 января 1922 г.

На собрании присутствовало: беспартийных – 1206 чел., коммунистов – 74 чел. Председательствовал Дьяченко. Секретарем был Смехотворов. Собрание продолжалось с 15 час. до 18 час. 40 мин.

На повестку дня были поставлены 3 вопроса: история полка; международное и внутреннее положение Советской Республики; текущие дела.

Ниже приводится полный текст протокола по первому вопросу собрания.

«Слушали. По первому вопросу делает доклад старый ветеран полка т. Андрушевский, который в ярких чертах шаг за шагом рисует историю полка со дня его формирования, его боевую жизнь на Восточном фронте и подчеркивает его постоянную готовность бороться за идеалы трудящихся.

Содокладчик т. Смехотворов говорит о борьбе полка на польско-петлюровском фронте и его слиянии с 216-м им. Ленина полком.

Тов. Галандцев, суммируя доклады, указывает, что за время существования полка красной нитью проходит его революционность, его неизменное желание победить и отменная сознательность и беспримерное героичество красноармейцев. До сих пор полк ни разу не очернил своего высокого звания, не опустил боевого Знамени, и можно быть уверенным, что в будущем он не потеряет славное прошлое.

Постановили. Заслушав доклад об истории нашего полка, мы – красноармейцы, командиры и политработники 212-го Московского им. тов. Ленина стрелкового полка клянемся перед трудящимися Советской республики, что в будущем мы не потеряем славы полка и его высокого звания и просим вождя мировой социалистической революции тов. Ленина, имя которого носит полк, принять звание почетного красноармейца нашего полка.

Да здравствует всемирная социалистическая Революция и ее вождь Ленин».

Решение общего собрания личного состава было объявлено приказом по полку.

Выписка из приказа
По 212-му Московскому им. т. Ленина стрелковому полку
№ 58

27 февраля 1922 г.
г.Томашполь

§ 11

«Выражая волю постановления общего собрания красноармейцев, комсостава и политработников об избрании вождя мировой революции В.И.Ленина почетным красноармейцем полка, тов. Ленина зачислить в списки 1-й роты, оставляя свободное место в первом ряду, первого отделения первого взвода сего числа».

Приказ подписали: Командир полка Генштаба Киндалинский, Военком А.Беляев-Бельский¹⁷.

Через несколько дней воины выбрали делегацию для вручения Владимиру Ильичу документов об избрании его Почетным красноармейцем. Делегация состояла из 3-х человек. Возглавлял ее командир 1-й роты Ф.Н.Смехотворов, являющийся передовиком боевой учебы.

В Кремле делегацию приняла секретарь Совнаркома Л.А.Фотиева. Она сообщила, что Владимира Ильича нет в Москве (это было летом в июне-июле), он отдыхает в Горках и повидаться с ним не придется.

Делегация передала Л.А.Фотиевой для Ильича красноармейскую книжку, выписки из постановления общего собрания личного состава от 15 января 1922 г. и приказа по полку от 27 февраля 1922 г. об избрании его почетным красноармейцем, комплект красноармейского обмундирования и снаряжения, винтовку за № 30330, 120 штук патронов к ней, а также аттестаты на все виды довольствия как числящемуся в командировке. Л.А.Фотиева заверила, что обо всем расскажет Ильичу и передаст ему документы и подарки¹⁸. На прощание делегация передала Фотиевой краткий очерк истории полка, копию грамоты к Почетному революционному Красному знамени, полученному полком в 1919 г., и рапорт командования полка. (Текст прилагается в сокращении.)

«В настоящее время полк несет охрану границ Советской республики против Румынии...

Состав полка на 20 мая следующий: едаков 1388, штыков 1139.

В отношении обмундирования, снабжения и вооружения полк представляет следующую картину: обмундированных полностью 55 %, недостает шинелей 45%, гимнастеров 96%, брюк 9%, белья 45% и обуви 44%...

Лошади измождены вследствие нерегулярного корма, обоз полуразрушен.

В настоящее время полк приводится в порядок, ремонтируется обоз, починяется обувь. Все это при помощи хозяйственной инициативы самого полка... Средства добываем при помощи перевозок своими средствами к железным дорогам сахару, дров, товаров... Снабжающие полк органы почти ничего не имеют...

... Работает школа грамоты... напряженно следим за мировыми событиями, за Генуэзской конференцией и, часто собираясь вместе крепче сжимаем винтовку и ждем ... что скажет нам, ... наш правофланговый, почетный и первый красноармеец Владимир Ильич...

Командир полка В.Киндалинский
Военный комиссар А.Беляев-Бельский
20 мая 1922 г.
г.Ново-Ушица Подольской губернии»¹⁹.

В конце 1922 г. Железная дивизия перешла на новые штаты полкового состава и теперь традиции 212-го Московского им. В.И.Ленина полка продолжали бойцы 71-го стрелкового Симбирского полка.

После гражданской войны в годы мирного строительства в июне 1926 г. правительство СССР утвердило единый образец знамени для частей РККА и в Центральный музей Вооруженных Сил из частей стали поступать на хранение Почетные революционные Красные знамена времен Гражданской войны. Среди поступивших Почетного революционного Красного знамени 212 стрелкового полка не было. Знамя все еще оставалось в воинской части 71-го стрелкового Симбирского полка, принявшего традиции 212-го Московского имени Ленина полка. Почетное революционное Красное знамя 212 стрелкового полка поступило на хранение в знаменный фонд ЦМВС позже 1926 г., но до 1941 г.

Кто и когда передал знамя в музей установить не удалось, так как в связи с эвакуацией его коллекций в г.Казань в

годы Великой Отечественной войны сопроводительные документы были утеряны. После окончания Великой Отечественной войны, вернувшись из эвакуации, музей принимал знамена как вновь поступившие по актам 1946 г. Муляж Почетного революционного Красного знамени ВЦИК 212 стрелкового полка, представленный на нашей экспозиции в зале по истории гражданской войны, выполнен с оригинала хранящегося в закрытом фонде Центрального музея Вооруженных Сил, в 1987 г. предположительно на фабрике художественной росписи (2-ой Красногвардейский проезд).

На этом историю 212 стрелкового полка и его Почетного революционного Красного знамени можно было бы закончить, если бы традиции легендарного полка не продолжали бы жить в воинской части и в последующие годы.

Первая рота под командованием Ф.Смехотворова сохранилась. (В дальнейшем Ф.Н.Смехотворов стал генералом и командовал стрелковым соединением.)

В 1939 г. 71-й полк, переименованный в 168-й стрелковый полк в составе Железной дивизии, отличился при прорыве линии Манергейма зимой 1940 г. Красноармейцам Ивану Захаровичу Треботу и разведчику Ивану Михайловичу Ульянову присвоено звание Герой Советского Союза.

Великая Отечественная война застала полк в г. Воложин Минской области.

Полк вышел из окружения вместе с другими частями Железной, сохранив боеготовность и боевое знамя. В боях при втором окружении в районе Оржица полку было суждено погибнуть осенью 1941 г. В начале 1942 г. состоялось его второе рождение в лагере Кашуба Чибсарского района Вологодской области в составе Железной дивизии. В ее рядах полк прошел путь от Сталинграда до г.Летовице (Чехословакия, Севернее Брно). Награжден орденом Богдана Хмельницкого II степени.

В 1957 г. 168-й полк переформирован в 310-й мотострелковый ордена Богдана Хмельницкого II степени полк.

В декабре 1988 г. два батальона 310-го полка выполняли задание Совмина СССР. Они были перевезены военно-транспортной авиацией в Армению. Участвовали в спасении людей, оказавшихся под развалинами домов в городах Леникане и Спитаке. При этом 8 военнослужащих трагически погибли.

В настоящее время 310-й полк дислоцируется в г. Рава-Русская Львовской области. По традиции многие поколения молодых бойцов знакомились с историей легендарного 212 стрелкового полка и послужным списком 24 Железной дивизии, написанным Г.Д.Гаем 23 февраля 1928 г. к 10-й годовщине Красной Армии для торжественного заседания общественности г.Ульяновска.

Вот этот текст.

- « 1. Имя – Двадцать четвертая.
 2. Отчество – Симбирская.
 3. Фамилия – Железная.
 4. Специальность – Стрелковая.
 5. Год рождения – 1918 г.
 6. Кем рождена – Октябрьской революцией.
 7. Место рождения – на реке Волге, под Симбирском.
 8. Происхождение – из рабочих и крестьян Симбирской и Самарской губернии.
 9. Образование – окончила университет гражданской войны.
 10. Подданство – штаб мировой революции – III Коммунистический Интернационал.
 11. Место прописки – Союз Советских Социалистических Республик.
 12. Какие имеет награды – 10 Почетных Красных знамен ВЦИК²⁰, до 20 Знамен от Симбирского и Самарского губисполкомов, более 1000 орденов Красного Знамени РСФСР.
 13. За что – за участие в освобождении Поволжья, Симбирской, Самарской, Оренбургской губерний и освобождение более 100 городов от врагов Советской власти.
 14. Чем занимается в настоящее время – охраной границ СССР и обучением молодых бойцов.
 15. Кто может подтвердить правильность вышеизложенных сведений – пролетариат Симбирска, Самары, Оренбурга и царские генералы Колчак, Дутов, Деникин.
- С подлинным верно: основатель и командир дивизии Гая Гай»²¹.

- 1 Павлов И.Н. Они защищали Родину в рядах Железной дивизии. М., 1996. С. 83.
2. РГВА. Ф. 1307. Оп. 2. Д. 991. Л. 31.
3. РВС республики. М. 1991. С. 54.
4. РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 14. Л. 50.
5. Известия. 1918. 14 сентября.
6. Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М. 1983. С. 541.
7. История гражданской войны в СССР. М. 1957. Т. 3. С. 242.
8. В.И. Ленин. ПСС. Т. 37. С. 95.
9. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 60. Л. 89-91.
10. РВС Республики (6 сентября 1918 – 28 августа 1923). М. 1991. С. 219, 220.
11. Деникин А.И. Поход на Москву. М. 1989.
12. Плотников И.Ф. Колчак. М. 1998. С. 211.
13. Спирин А.М. Разгром армии Колчака. М. 1957. С. 247.
14. Боевые подвиги частей Красной Армии (1918-1922): Сб. документов. М. 1957. С. 10.
15. Красная Звезда. Изд. ВЦИК. 1918. С. 5.
16. Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М. 1987. С. 304-305.
17. Воронова О.Т. В.И. Ленин почетный красноармеец. М. 1970. С. 10.
18. В биохронике этот факт не зафиксирован.
19. Тарасенко А.А. Имени великого вождя. М. 1970. С. 109-111.
20. Сохранились знамена 208, 212, 214 стрелковых полков.
21. Пролетарский путь. 1918. 24 февраля.

**К ИСТОРИИ АТРИБУЦИИ МОРДОВСКОГО
ЖЕНСКОГО КОСТЮМА
ИЗ ФОНДОВОЙ КОЛЛЕКЦИИ МУЗЕЯ В.И.ЛЕНИНА
(ФИЛИАЛА ГИМ)**

В связи с проведением инвентаризации фондовой коллекции Музея В.И.Ленина возникла необходимость атрибуции мордовского женского костюмного комплекса, состоящего из 5 предметов, о котором в Книге описей содержится весьма скудная информация: «Мордовский костюм из полотна белого цвета с отделкой из разноцветных лент. Получен из Управления коменданта Московского Кремля 24 июля 1957 г.»¹. Как известно, атрибуция музейного экспоната включает в себя несколько обязательных требований: определение автора, времени, места, техники изготовления данного предмета, описание его, а также уточнение времени и обстоятельств движения экспоната и передачи его на музейное хранение.

В нашем конкретном случае воссоздание истории костюма было затруднено несколькими обстоятельствами: во-первых, тем, что не сохранилась легенда о появлении этого красочного национального костюма в Кремлевской квартире Ульяновых. Можно, конечно, предположить, что он был подарен Н.К.Крупской одной из делегаций женщин Мордовии, вероятно, в 20-х или 30-х гг. Но когда, кем, а также при каких обстоятельствах он был передан в дар? Этот факт предстояло изучить в первую очередь. Другое обстоятельство, затруднявшее воссоздание истории костюма, было обусловлено временным фактором. Почти полвека костюмный комплекс хранился в фондах Музея В.И.Ленина, а до этого еще 20 или 30 лет находился в квартире Ульяновых в Кремле. Уже нет в живых тех, кто был хоть как-то причастен к событиям дарения, а затем и передачи костюма в музей.

Оставалась реальной только одна возможность – поиск документов, в которых могли отложиться факты, проливающие свет на эту историю.

Наш поиск мы начали от достоверно известного факта – в июле 1957 г. Управлением коменданта Московского Кремля переданы Центральному музею В.И.Ленина вещи из квартиры

Ульяновых, в числе которых вместе с вещами Н.К.Крупской был передан и мордовский костюм.

Поиск велся одновременно в нескольких направлениях.

Во-первых, были изучены все опубликованные фотографии Н.К.Крупской вместе с участницами различных съездов и форумов, с делегациями из различных регионов страны с целью отыскания следов возможных контактов Надежды Константиновны с мордовскими женщинами².

Во-вторых, были просмотрены все опубликованные письма Н.К.Крупской в 11-ти томном собрании ее сочинений. Надо отметить, что очень большую надежду на успешное завершение поиска породила переписка Надежды Константиновны с калмычками в 1929 г. Женщины поздравили «руководительницу Народного просвещения» с 60-летием со дня рождения и сообщили, что передают в дар калмыцкий женский костюм ручной работы, изготовленный местными активистками, и просили Надежду Константиновну сфотографироваться в нем и прислать им эту фотокарточку.

В ответном письме Н.К.Крупская сообщала, что ее порадовала информация о том, что калмычки с усердием взялись за ликвидацию безграмотности, поблагодарила за подарок: «Костюм замечательно красивый, всем он очень нравится» и далее «Я непременно снимусь в этом костюме и пришлю карточку. Сейчас я этого не могу сделать, потому что с одной стороны прихварываю, с другой, очень занята, надеюсь, недели через две сделаю»³. Но Н.К.Крупская так и не сфотографировалась в этом костюме.

Эти письма примечательны тем, что они позволяют по аналогии утверждать, что Н.К.Крупская могла получить подобный подарок и от мордовских женщин, она довольно чутко реагировала на проявление к ней внимания со стороны женщин-работниц и, возможно, что где-то в архивах еще предстоит обнаружить переписку Н.К.Крупской с мордовскими женщинами.

Конечно же, важнейшим направлением поисков было изучение архивных материалов по фонду Н.К.Крупской в ГАРФ, РГАСПИ, в отложившихся архивах в музеях «Кабинет и квартира В.И.Ленина в Кремле» в Горках, в фондах Музея В.И.Ленина (ныне филиала ГИМ).

В ходе работы над архивами были найдены отдельные документы, которые высветили частично процесс передачи вещей

семьи Ульяновых Музею В.И.Ленина, но одновременно они и породили много новых вопросов, которые требуют ответа.

Так, в Книге поступлений в фондах Центрального музея В.И.Ленина записано 340 номеров личных вещей членов семьи Ульяновых, поступивших из Управления Комендатуры Кремля, в том числе 82 номера вещей Н.К.Крупской, поступивших по Акту № 2155 от 22 июля 1957 г.⁴ Были просмотрены четыре книги, где собраны акты приемки и передачи предметов на постоянное и временное хранение, относящиеся к 50-м гг., однако искомого акта № 2155 обнаружить не удалось, хотя были найдены акты за № 2153 и № 2156⁵.

В ходе изучения этих документов было обнаружено очень интересное письмо. На бланке Комитета Госбезопасности при СМ СССР Управления Коменданта Московского Кремля директор Оружейной Палаты А.Андреев обращается к директору ЦМЛ В.Ф.Морозову с просьбой вернуть в Кремлевскую квартиру В.И.Ленина четыре подушки с кроватей Владимира Ильича и Н.К.Крупской, находящиеся на хранении в ЦМЛ согласно Акту передачи вещей В.И.Ленина и семьи Ульяновых в музей В.И.Ленина от 4 апреля 1957 г. На письме имеется штамп ЦМЛ и распоряжение директора В.Ф.Морозова: «Фонды. Передайте имеющиеся вещи по Акту (четыре подушки). Морозов. 8 июня 1959 г.»⁶.

Таким образом, этот документ уточняет дату составления акта на передачу вещей В.И.Ленина и семьи Ульяновых в Центральный музей В.И.Ленина, а именно, 4 апреля 1957 г.

В книге «Справки и докладные по фондам и фондовой работе ЦМЛ» собраны документы, начиная с 1939 и по 1971 гг., а также обнаружены интересные для нас материалы⁷.

1. Докладная директору ЦМЛ В.Ф.Морозову от 21 января 1956 г. за подписями П.Д.Зворыгиной, В.Е.Муштукова, В.Д.Ульянова, Г.Я.Лозгачева-Елизарова, М.В.Фофановой о том, что они 18 января 1956 г. посетили квартиру В.И.Ленина в Кремле и высказали свои замечания о расположении вещей в квартире⁸.

2. Акт от 18 января 1956 г., подписанный В.Д.Ульяновым, Г.Я.Лозгачевым-Елизаровым и М.В.Фофановой о том, что после ознакомления с обстановкой в квартире В.И.Ленина в Кремле вместе с представителями Центрального музея В.И.Ленина В.Е.Муштуковым - зам. директора Ленинградского филиала, и П.Д.Зворыгиной - научного сотрудника

отдела фондов ЦМЛ, они установили и сообщили руководству квартиры В.И.Ленина в Кремле, зам. начальника политотдела Кремля – т. Н.Д.Морозову и коменданту здания Совета Министров т. И.О.Васенкову о вещах, завезенных в кремлевскую квартиру Ленина из квартиры А.И.Елизаровой-Ульяновой на Манежной улице в д. №9 в 1934-35 гг. Участники этой акции отмечают: «Руководство квартиры В.И.Ленина в Кремле против изъятия указанных предметов из квартиры, при условии соответствующего документа оформления и согласования с вышестоящими организациями, возражений не имеет»⁹.

3. Докладная директору ЦМЛ В.Ф.Морозову от 28 января 1956 г. Бывший личный секретарь Н.К.Крупской В.С.Дридзо, М.В.Фофанова, дочери Инессы Арманд – Анна и Варвара в присутствии коменданта здания Совмина т. И.О.Васенкова и лектора по квартире Л.А.Гончаровой высказали свои соображения по поводу того, что при жизни В.И.Ленина квартира производила впечатление более скромной и небольшой. В ней были только необходимые комнаты и необходимые для повседневного быта вещи. По их мнению в квартире очень много лишних вещей, и комнаты не имеют жилого вида.

В Докладной отмечалось: «В 1924 году, после смерти В.И.Ленина, Н.К.Крупская привела в порядок кабинет Владимира Ильича, установив все вещи так, как они были при В.И.Ленине... Ключи от кабинета хранились в Комендатуре и у Н.К.Крупской до конца ее жизни. Сама она, раз установив вещи по местам хранения, изменений больше не вносила.

Кабинет фотографировался во всех деталях в присутствии Н.К.Крупской в 1924 году. Квартира фотографировалась в 1940 г.»¹⁰.

Докладную записку составила младший научный сотрудник отдела фондов ЦМЛ Зворыгина и подписали В.С.Дридзо, М.В.Фофанова, А.А.Арманд, В.А.Арманд.

4. «Свидетельская записка» от 23 февраля 1957 г., подписанная П.П.Елизаровым, о том, что 22 февраля 1957 г. он по предложению научного сотрудника фондов ЦМЛ П.Д.Зворыгиной посетил квартиру-музей В.И.Ленина в Кремле для опознания тех предметов и вещей, которые ранее принадлежали семье М.Т. и А.И.Елизаровых. Далее идут воспоминания и перечень памятных вещей¹¹.

Изучение документов в РГАСПИ о деятельности ЦМЛ, хранящихся в фонде № 624, помогли в уточнении некоторых фактов.

Так, в письме В.С.Дридзо Секретарю ЦК КПСС т. Шепилову от 20 апреля 1956 г. Вера Соломоновна сообщает о посещении квартиры В.И.Ленина в Кремле в январе 1956 г. вместе с Фофановой и дочерьми И.Арманд. У них сложилось мнение, что квартира выглядит не такой, какой она была при Владимире Ильиче. Далее она подробно высказывает свои суждения. Но для того, чтобы изменить что-либо в квартире, нужно указание ЦК КПСС, поэтому по всем этим вопросам хотелось бы поговорить лично¹².

От 5 июня 1956 г. из отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС направлено письмо директору ИМЛ т. Г.Д.Обичкину, в котором сообщается, что в прилагаемом письме В.С.Дридзо содержатся замечания по музею-квартире В.И.Ленина в Кремле. Необходимо совместно с ЦМЛ и Комендатурой Кремля «разобраться по существу замечаний т. Дридзо и свое заключение сообщить в ЦК КПСС»¹³.

В свою очередь Директор ИМЛ Г. Обичкин направляет 13 июня 1956 г. письмо директору ЦМЛ В.Ф.Морозову с просьбой разобраться «по существу письма т. Дридзо (я думаю, может помочь Л.А.Фотиева). После этого нам следует совместно поговорить с Комендатурой Кремля и подготовить ответ»¹⁴.

К сожалению, дело № 469 фонда № 624 по описи № 1, бывшее на секретном хранении, почему-то в РГАСПИ найти не смогли, а в этом деле, должно быть, хранилась переписка ЦМЛ с ЦК КПСС и другими организациями с марта 1942 г. по декабрь 1970 г. - всего 237 листов.

Архивные документы РГАСПИ раскрывают довольно драматическую ситуацию в отделе фондов ЦМЛ в 1957 г., в тот самый период, когда шла подготовка передачи вещей из кремлевской квартиры в ЦМЛ. Так, в плане работы отдела фондов на 1957 г. в разделе II записано: «Комплектование фондов» пункт 2: «Выявить в Кремлевской квартире В.И.Ленина предметы, которые можно экспонировать в музее и добиться их получения. Организует, с помощью дирекции музея Стопани»¹⁵.

Но именно в это время проводится тщательная проверка работы фондов, о чем узнаем по документу: «Справка о проверке работы отдела фондов ЦМЛ». Во исполнение решения парт/бюро музея составлена комиссия для проверки работы

отдела фондов по состоянию на 1 марта 1957 г. Комиссия отметила существенные недостатки в работе отдела: отсутствие четкости и плановости в производственной деятельности, небрежное ведение Книги поступлений и Инвентарной книги, отсутствие карточек с историей предмета и т.д. Вывод: производственная работа отдела не отвечает тем задачам, которые стоят перед ЦМЛ в области идеологической работы¹⁶.

Но любопытно, что в это время приказом № 6 от 7 марта 1957 г.¹⁷ была объявлена благодарность за труд Н.А.Стопани, а через пять месяцев зав. отделом фондов т. Стопани с 1 сентября 1957 г. освобождается от занимаемой должности в связи с уходом на пенсию¹⁸.

Несколько ранее, 1 июля 1957 г. освобождена от работы в связи с уходом на пенсию научный сотрудник П.Д.Зворыгина¹⁹.

15 июля принят на работу младший научный сотрудник Ю.Г.Климов²⁰, а с 1 сентября, через 1,5 месяца, он назначается и.о. зав. отделом фондов²¹. Именно он составит Справку о работе отдела фондов за 1957 г. (6 января 1958 г.)²².

В этой справке перечислены музейные предметы, поступившие в фонд музея за 1957 г. – всего 962 предмета, в том числе личные вещи В.И.Ленина и семьи Ульяновых – 391 предмет.

Далее сообщается, что отдел фондов в 1957 г. передал в филиалы музея 209 предметов личных вещей В.И.Ленина и семьи Ульяновых, полученных из Кремля. После перечисления этих вещей в справке указывается, что 224 предмета, полученных из Кремля в июне 1957 г., подготовлены к списанию.

Справка характеризуется полной нестыковкой цифр: всего получено 391 предмет, а передано в филиалы 209 + 224, подготовлено к списанию 433 предмета.

Еще более разительная нестыковка цифр обнаружилась, когда в фондах музея «Кабинет и квартира В.И.Ленина в Кремле» была найдена «Опись вещей, находящихся в квартире В.И.Ленина в Кремле, подлежащих передаче Центральному музею В.И.Ленина»:

Вещи В.И. Ленина – 23
Вещи Н.К. Крупской – 142
Вещи М.И. Ульяновой – 201
Вещи А.И. Ульяновой – 210

Вещи М.Т. Елизарова – 6
Вещи М.А. Ульяновой – 9
Вещи общего пользования – 54
Вещи неопознанные из квартиры
В.И. Ленина в Кремле – 44»
Всего – 689

На первом листе Описи поверх списка синим карандашом написано: «Вещи и предметы поименованные в настоящей описи на 42 (сорок два) листах переданы в Центральный музей В.И.Ленина. 15.6.57. Подпись – Васенков». На 42 странице машинописной описи в конце списка стоят подписи: «Передал – Васенков. Приняла – Н.Стопани. 15.6.57 г.»²³.

Из этой описи была получена также очень ценная информация относительно исследуемого костюма. Под № 100 в разделе «Вещи Н.К.Крупской» значится «Мордовский национальный костюм: мордовский шушун с подкладкой, с шелковой отделкой и шерстяной вышивкой, мордовская рубашка, домотканая с ручной вышивкой темно-красной шерсти, пояс шерстяной с украшениями, передник с рукавами и нагрудник из желтой парчи с серебряными монетами (161 шт.), перламутровой пряжкой. Примечание: «Предположительно костюм был подарен в 1919 г. во время поездки Н.К.Крупской на пароходе «Красная звезда» от Москвы до Перми»²⁴.

Итак, мы имеем документ с перечислением всех частей костюма, который хранится в фондах музея Ленина. Этот документ развеял наши сомнения относительно неполноты костюмного комплекта, отбросил сомнения о возможных утратах отдельных деталей его.

Предположение, обозначенное в примечании, о том, что костюм мог быть подарен во время поездки на «Красной звезде», выглядит вполне реально.

С 27 июня по 13 августа 1919 г. Н.К.Крупская совершила поездку по Волге и Каме на агитпароходе ВЦИК «Красная звезда». 34 раза выступила она на митингах и собраниях, на которых собиралось от нескольких сот до 10 тысяч слушателей. Н.К.Крупская общалась с большим количеством общественников, с просвещенцами, учителями, рабочими, было очень много встреч с женщинами.

Маршрут агитпарохода пролегал по Волго-Камью, региону, издревле бывшему местом сосредоточения различных по

языку и культуре народов. Этот район был основным ареалом расселения мордвы с древнейших времен и по настоящее время.

Только по агитпароходу «Красная звезда» хранятся около тысячи папок единиц хранения в РГАСПИ (фонд Крупской), в ГАРФе на Пироговской (фонд ВЦИК), в ГАРФе на Бережковской (фонды Крупской и Наркомпроса). Огромный пласт сохранившихся документов требует своего исследования.

Этнографический анализ изучаемого костюма стал темой научного сообщения на Забелинских чтениях в Государственном Историческом музее в октябре 2002 г. Традиционная национальная одежда, особенно женская, в своих формах и деталях в течение длительного времени хранит следы своего происхождения, сохраняет этническое и локальное своеобразие, и поэтому представляет собой один из наиболее устойчивых этнических признаков. Национальный костюм подобно паспорту может дать с большой точностью информацию о месте и времени его изготовления. Знакомство с историей мордовского народа и его материальной культурой позволяет подкрепить версию о нижегородском происхождении эрзянского костюма, исследуемого нами.

Таковы предварительные сведения по атрибуции мордовского костюма из фондовой коллекции Музея В.И.Ленина на первом этапе его изучения.

1. ФМЛ – ГИМ. Инвентарная книга. ВУ № 10. Мордовский костюм.
2. Надежда Константиновна Крупская. Жизнь и деятельность в фотографиях и документах. М., 1974.
3. Крупская Н.К. Педагогические сочинения: В 11 т. М., 1963. Т. 11. С. 332, 780-781; ГАРФ. Ф. 7279. Оп. 7. Ед. хр. 18. Лл. 74, 75, 75 об., 76.
4. ФМЛ - ГИМ. Книга поступлений отдела фондов ЦМЛ. 1955-1964 гг.
5. ФМЛ – ГИМ. - Акты приемки музейных предметов на постоянное хранение за 1956-1959 гг. Книга № 5;
 - Акты передачи музейных предметов на постоянное хранение за 1953-1961 гг. Книга № 32;
 - Акты приемки музейных предметов на временное хранение за 1936, 1948, 1950-70 гг. Книга № 37;
 - Акты передачи музейных предметов на временное хранение за 1936-1942, 1944, 1946, 1950-1961 гг. Книга № 41.

6. ФМЛ – ГИМ. Там же. Книга № 32. Л. 133.
7. ФМЛ – ГИМ. Справки и докладные по фондам и фондовой работе Центрального музея В.И.Ленина за 1939, 1949-1951, 1955-1959, 1962-1971 гг.
8. Там же. Л.12-14.
9. Там же. Л.15-18.
10. Там же. Л. 19-23.
11. Там же. Л. 24-25.
12. РГАСПИ. Ф. 624. Оп. 1. Ед. хр. 214. Л. 32-33.
13. Там же. Л. 31.
14. Там же. Л. 30.
15. Там же. Ед. хр. 221. Л. 6.
16. Там же. Л. 32-36.
17. Там же. Ед. хр. 219. Л. 8.
18. Там же. Л. 33.
19. Там же. Л. 20, 21.
20. Там же. Л. 22.
21. Там же. Л. 33.
22. Ед. хр. 221. Л. 41, 42, 43.
23. ГИЗ «Горки Ленинские». Музей «Кабинет и квартира В.И.Ленина в Кремле». Описание вещей, находящихся на квартире В.И.Ленина в Кремле, подлежащих передаче Центральному музею В.И.Ленина. 1957 г., 42 листа.
24. Там же. Л. 6.

СОДЕРЖАНИЕ

1. **Наумова Г.А.** Новое из истории последних владельцев усадьбы Горки.....
2. **Мушиц Н.В.** Малоизвестные документы ленинского фонда РГАСПИ горкинского периода.....
3. **Калякина А.В.** Архивные находки.....
4. **Савинов А.М.** Библиотека В.И.Ленина в Кремле: находки последних лет.....
5. **Савинова Е.Н.** Секретные ответы органов ОГПУ в личном архиве Н.К.Крупской.....
6. **Кунецкая Л.И., Косячкова Л.Н.** Отзывы посетителей музея «Кабинет и квартира В.И.Ленина в Кремле» как отражение социальных взглядов на историю.....
7. **Есина Г.С.** Неизвестная находка. Детский рукописный журнал «Наша мысль» – подарок семье Ульяновых.....
8. **Погорелая Р.А.** Боевой путь 212 стрелкового полка под знаменем ВЦИК в составе 24 стрелковой Железной дивизии.....
9. **Качан Х.Х.** К истории атрибуции мордовского женского костюма из фондовой коллекции Музея В.И.Ленина (филиала ГИМ).....